

Алексей Щербаков

ОБОРОТНИ ТОЖЕ СМЕРТНЫ

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Тени Черного леса

Алексей Щербаков

Оборотни тоже смертны

«ВЕЧЕ»

2015

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)

Щербаков А. Ю.

Оборотни тоже смертны / А. Ю. Щербаков — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Тени Черного леса)

ISBN 978-5-4484-7343-2

К весне 1943 года партизанское движение в Белоруссии достигло такого размаха, что немецкое командование вынуждено было создать ГФП — тайную полевую полицию для координации действий карательных и армейских подразделений против «лесных бандитов». Несколько секретных школ специально готовили агентов для внедрения в партизанские отряды, одной из задач которых было уничтожение командиров и комиссаров отрядов. Но все эти меры оказались малоэффективны... Книга «Оборотни тоже смертны» является продолжением романа «Тени Черного леса».

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-7343-2

© Щербаков А. Ю., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алексей Щербаков

Оборотни тоже смертны

Первая битва, которую проиграл вермахт, была битва против советских партизан.

Генерал Г. Теске, начальник военных сообщений группы армий «Центр»

В деревне, которую мы заняли, в глубокой тишине стоят дома с пустыми черными окнами. На улице воет одинокая собака. Мои солдаты, располагаясь на отдых, молчат. Я знаю, они не спят, каждый прислушивается к малейшему звуку. Вокруг угрюмо ходят часовые. Они похожи на обреченных... Кругом ни одного человека, но повсюду и везде – в лесах, болотах – носятся тени мстителей. Это партизаны. Неожиданно, точно из-под земли, они нападают на нас и исчезают. Мстители преследуют нас на каждом шагу. Проклятье! Никогда и нигде на войне не приходилось переживать ничего подобного. Сейчас пишу дневник и с тревогой смотрю на заходящее солнце. Нет, лучше не думать... Наступает ночь, чувствую, как из темноты неслышно ползут, подкрадываются тени, и меня охватывает леденящий ужас... Из дневника обер-лейтенанта Фр. Бишеле, апрель 1943 г.

Пролог

Дорогу осилит не всякий

Партизанское движение неуклонно растет на всех участках фронта, активность партизан усиливается с наступлением теплых дней. Если до последнего времени партизаны вынуждены были постоянно заботиться о сооружении прочных и защищенных зимних квартир, а также об обеспечении себя достаточными запасами продовольствия, то теперь нужда в этом стала менее настоящей, так что партизаны могут снова отдать свое настоящее дело – террору и диверсиям. Донесение СД № 11, 1943 г.

20 марта 1943 года, 15 километров севернее Вилейки, Белоруссия

По узкому грейдированному шоссе, объезжая многочисленные рытвины, неторопливо двигалась немецкая автоколонна. Впереди шел полугусеничный бронетранспортер, за ним – три крытых грузовика «Опель-блиц». Замыкал процессию открытый грузовик, в кузове которого сидело человек двенадцать солдат. Несмотря на то, что до ближайшего фронта было около трехсот километров, солдаты двигались отнюдь не так, как обычно передвигаются военные автоколонны в глубоком тылу. Они были одеты в каски, во все стороны щетинились винтовки. Точнее, несмотря на глубокий тыл, в этих местах в последний год передвигались только так. Этого недвусмысленно требовали приказы, издававшиеся разнообразным начальством. Впрочем, и без приказов солдаты не стали бы расслабляться. Знали, чем это может кончиться.

Вот и на головном бронетранспортере явно нервничали. Когда колонна приближалась к очередному повороту дороги, солдат, сидящий у пулемета, начинал водить туда-сюда дулом своего оружия. В такт этим движениям вращал головой находящийся рядом гауптман¹. Началь-

¹ Гауптман – звание, соответствующее в вермахте капитану сухопутных войск.

нику колонны, капитану Хальсу, было слегка не по себе. Как, впрочем, и всем военнослужащим вермахта, вынужденным передвигаться в этом районе. Слишком уж хорошо тут знали слово «партизаны». Подумать только! В глубоком тылу, в огромной дали от фронта (на котором, кстати, было затишье) идет непрерывная война, конца-края которой не предвидится. Правда, недавно командование провело очередную операцию против партизан, в результате которой вроде бы из ближайших районов их вычистили. Местная газета передавала победные реляции о сотнях убитых бандитов, разгромленных лесных лагерях и прочих подобных отрядных вещах.

И в самом деле, сейчас Хальс вел колонну с боеприпасами в деревню, где недавно укрепился немецкий гарнизон. Пару месяцев назад туда без танков и сунуться бы не посмели. Но с другой стороны – а зачем там такой гарнизон и столько боеприпасов, если, как говорят газеты, «бандиты уничтожены»? На фронте всего этого не хватает... И почему по территории, которую, как уверяют, очистили от бандитов, автоколонна может передвигаться исключительно под охраной бронетранспортера?

Впрочем, немцы, служившие в Белоруссии, уже хорошо знали цену подобным победным рапортам. Начитались. Партизан вроде бы громят – но они тут же появляются рядом. А потом возвращаются на свои насиженные места. Как говорил друг Хальса, майор Залге – скептик и циник, ни в грош не ставивший газетную пропаганду, – начальство, получив очередной нагоняй сверху, просто-напросто изображало активные действия, гоняя партизанские отряды с места на место по местным бескрайним лесам.

– И при этом наши идиоты под видом борьбы с партизанами расстреливают всех, кто попадает к им на пути, как сообщников бандитов! Да ведь делать так в этой стране – то же самое, что тушить пожар керосином! Я служил на Украине в восемнадцатом, я знаю, о чем речь... – говаривал он в узком кругу после хорошей выпивки.

В прошлом году еще надеялись, что вермахт быстро разобьет русских, а потом навалится и на шатающихся по лесам бандитам. Но после Сталинграда это стало как-то проблематично. Нет, Хальс твердо верил в окончательную победу Германии. Но перспектива погибнуть даже не на фронте, а от пули из леса, выпущенной каким-то русским мужиком, или взлететь на заложенной тем же мужиком мине, его не радовала.

В общем, настроение у гауптмана было скверное. Командир косился на высаженный по обе стороны дороги густой еловый лес. Метров на тридцать по обе стороны дороги его вырубали в целях безопасности. Удачно кинуть гранату с такого расстояния непросто. Но среди партизан достаточно и метких стрелков... Тем более ходили слухи, что большевики сбрасывают им теперь с самолетов хорошее оружие, включая и снайперские винтовки. Обстреляют – да и уйдут в лес. И кто-то станет трупом. Такие истории в Вилейке были совершенно обыденными. Вот недавно, как говорили, партизаны пустили под откос поезд с солдатами, отправлявшимися в отпуск. Многим из них теперь уже никакой отпуск больше не понадобится. И это несмотря на то, что подходы к железной дороге напоминают фронтовые укрепления.

А уж солдаты-то с ним какие едут! В основном – новобранцы, которые еще не были под огнем, зато успели наслушаться историй про партизан, в которых, согласно законам солдатского фольклора, сила и неуловимость бандитов была преувеличена во много раз. Если так пойдет, то вскоре рядовые станут верить, что партизаны не люди, а демоны, которые могут появляться всюду, где им захочется и, совершив свое черное дело, бесследно растворяться в воздухе. Хальс знал это не понаслышке. Он проводил беседы с солдатами, на которых повторял пропагандистские истории про «скрывающиеся в лесах жалкие банды евреев и коммунистов», – и видел, с каким недоверием его слушают².

² В вермахте до 1944 года не было политработников. Заниматься политическим воспитанием солдат входило в обязанности командира роты.

Гауптман испытал большое облегчение, когда увидел за очередным поворотом стоявший посреди дороги мотоцикл; возле него находились трое бойцов в тускло поблескивающих мотоциклетных плащах, поверх которых блестели гридни фельджандармерии³. Фельджандармы по роду своей службы знали о партизанах гораздо больше других. И если они вот так спокойно топтались посреди леса – значит, в округе и в самом деле было все тихо. Потому что больше фельджандармов партизаны ненавидели только эсэсовцев – кто из них попадал в руки к людям из леса, мог считать себя счастливым, если его просто вешали. Обычно же бывало куда хуже.

Завидев колонну, один из жандармов, здоровенный парень с погонами обер-фельдфебеля⁴, взял автомат наизготовку, а затем поднял левую руку, приказывая остановиться. Бронетранспортер замер метрах в двадцати от жандармов. Все трое неспешно направились к машине.

– В чем дело, обер-фельдфебель? – крикнул Хальс, когда патрульные приблизились.

– Проезд закрыт, господин гауптман. Впереди бандиты повредили мост. Проехать невозможно.

– Черт! И надолго это?

– Раньше вечера не восстановят. Разворачивайте колонну.

Что ж, придется разворачиваться. Инструкция в подобных случаях предписывала однозначно: возвращаться в ближайший населенный пункт, где имеется немецкий гарнизон. Именно немецкий. На вспомогательную полицию начальство не очень-то полагалось. И правильно, что не полагалось. Мало того что местные полицейские не отличались смелостью, так еще вопрос, сколько среди них агентов партизан...

Делать было нечего. Разворачиваться – так разворачиваться. Впрочем, Хальс, даже если б и мог, не стал бы торчать возле этого чертового моста несколько часов. Радость небольшая. К тому же, если мост починят только к вечеру, дальше пришлось бы двигаться в темноте. А на это в Белоруссии решился бы только очень рискованный человек. Кстати, передвижение по ночам инструкцией тоже категорически запрещалось.

* * *

Бронетранспортер – не танк, чтобы крутануться вокруг своей оси. Бронированная машина вынуждена была долго совершать довольно замысловатые движения, дабы развернуться на этой узкой дороге. Остальные машины ждали, пока закончит «флагман». Жандармы стояли как статуи, в картинной позе, расставив ноги и держа в руках автоматы, никак не реагируя на перемещения «броника». Вот машина повернулась к ним кормой и замерла, пока водитель переключал скорости. Вдруг один из жандармов мгновенно извлек откуда-то противотанковую гранату и кинул ее внутрь бронетранспортера⁵...

Ахнул взрыв, уничтоживший всех, кто находился внутри машины. Между тем «жандармы» уже оказались в ближайшем кювете, откуда открыли огонь по грузовику с солдатами. Одновременно из леса с двух сторон начали вести огонь из винтовок и ручных пулеметов. Выстрелы были очень меткими. Еще бы. Пока грузовик стоял неподвижно, укрывшиеся в лесу партизаны имели полную возможность тщательно прицелиться. Солдаты растерялись. Кто-то пытался отстреливаться, кто-то – прыгать с машины. Но спрятаться им было некуда. Выпрыг-

³ Фельджандармерия – особые части в составе вермахта. В их задачу входило поддержание порядка в тылу: контроль за передвижением по дорогам, соблюдение пропускного режима и т. д. Использовали их и для непосредственной борьбы с партизанами. Во время выполнения своих служебных обязанностей фельджандармы надевали поверх формы гридень – особую, хорошо заметную издали металлическую бляху на цепочке. Боец с гриднем имел очень большие права.

⁴ Обер-фельдфебель – примерно соответствует советскому старшине. «Примерно» – потому что в вермахте была совсем иная система званий младшего командного состава, нежели в РККА.

⁵ Бронетранспортер SdKfz 250 не имел крыши.

нуть из кузова успели лишь четыре человека, но и они ничего не сумели сделать. Тем временем из машин выскакивали водители – и попадали под огонь залегших в канаве «жандармов».

Все было закончено в несколько минут. Убедившись, что стрелять больше не в кого, лежащие в канаве поспешно стащили с голов каски. Партизаны часто носили немецкие мундиры и прочие предметы амуниции, особенно им полюбились зимние теплые кожаные фельд-жандармов. Но вот каски они не носили никогда, поскольку кто-нибудь мог сгоряча и подстрелить, увидев в канаве знакомые очертания стального горшка...

– Эй, братцы, нас-то не зацепите! – заорал «обер-фельдфебель» и поднялся в полный рост. За ним вылезли из канав и двое его товарищей. Автоматы все трое продолжали держать наизготовку. Вдруг кого-то не до конца дострелили, или кто-нибудь сумел где-нибудь притаиться. От фрицев можно всего ожидать.

Между тем из-за деревьев показались люди. Одеты они были весьма пестро. Кто-то – в советской военной шинели без знаков различия, кто-то – в немецкой, кто-то – в кожаной куртке или в полушубке. Вооружены партизаны были не менее разнообразно – советскими и немецкими винтовками и «шмайссерами»⁶. Двое имели советские ППШ.

Пришельцы из леса деловито осматривали грузовики.

– Ну, как там?

– У этих вот колеса пробиты.

– Ничего, не в Минск ехать. До подвод и на ободах дотянет. Все лучше, чем на дороге их разгружать. Давай, гони эту халабуду в лес...

«Жандармы» в этой суете участия не принимали. Они перекуривали.

К ним приблизился рослый парень в потрепанной кожаной куртке, из-под расстегнутого ворота которой виднелась тельняшка. Он хлопнул по плечу «обер-фельдфебеля».

– Ну, Мельников, здорово вы это провернули! Мы из леса на вас и фрицев прям как на спектакль смотрели. Хорошо в самом деле знать иностранные языки... И ведь, главное, в машинах и в самом деле боеприпасы. Хоть будет теперь чем стрелять. Разведка, как говорится, доложила точно. Сам разведаль, сам и главную роль в захвате сыграл. И как это все тебе удастся?

– Работаем помаленьку. Только вот жаль, что врать фрицам пришлось, что мы мост грохнули. Если б и в самом деле... Мост-то душевный. Его хрен объедешь. Эти фрицы в деревне, оказавшись отрезанными, сильно бы заскучали.

– А мне, думаешь, его грохнуть не хочется? – с обидой спросил парень в тельняшке. – Кто из нас подрывник? Да ведь как его грохнешь, когда летуны не летают, и в итоге ни тола, ни мин нет. И вообще – надо нам было аэродром как следует оборонять, а не от фрицев по лесу бегать...

– Ладно, тут нам больше делать нечего. Двигаем в лес.

В самом деле, машины, захваченные партизанами, уже развернулись и двинули по просеке в лес – туда, где невдалеке ждали подводы. Там ящики с патронами, гранатами и минами перегрузили на телеги, грузовики подожгли, – а партизаны растворились в лесной чаще.

* * *

Немцы силами до роты прибыли на место происшествия только через два часа. Их вызвала охрана того самого моста, который находился примерно в километре. Они слышали стрельбу, но решили, что покидать пост не стоит. Впрочем, они и не имели приказа бросаться

⁶ Здесь и далее: неверное, но распространенное в войсках союзников по антигитлеровской коалиции название германских пистолетов-пулеметов MP-38 и MP-40. На самом деле знаменитый немецкий оружейный конструктор Х. Шмайссер к их разработке прямого отношения не имел.

кому-либо на выручку. Да и было их слишком мало, чтобы мчаться кого-то спасать. Они засели в свои окопы и пулеметные гнезда и вызвали подкрепление.

Разумеется, прибывшие обнаружили лишь трупы, груды обгорелого металлолома и следы телег на мокрой земле, уходящие в лес. Преследовать партизан такими силами они и не пытались. Все знали, чем заканчиваются подобные попытки – нарвешься на засаду, потеряешь людей, в итоге выйдет полный пшик. Партизаны умели растворяться даже в голом весеннем лесу.

Для очистки совести немцы постреляли по лесу и покидали в чащу мины – и двинулись в обратный путь, сильно сожалея, что в этих грузовиках не ехали газетные писаки, в очередной раз «уничтожившие» партизан.

Глава 1

Обычный поход за солью

Собирают по деревням, требуют добровольно сдавать продукты. От части населения, настроенной недружественно по отношению к партизанам, требуют более крупной доли с угрозой применения силы. У бургомистров и сотрудников милиции, назначенных немцами, конфискуется все имущество.
Отчет командира 703-го батальона охраны о положении дел в борьбе с партизанами от 7 июня 1942 г.

18 апреля, район Щучина, Белоруссия

Партизанский лагерь располагался очень удачно: на полуострове, который с двух сторон окружало болото – из тех, которые фрицы считают непроходимыми. На самом-то деле проходы имелись и были разведаны, – так что в случае чего можно было спокойно уйти. За обширным болотом находилась узкая извилистая река Щача, на берегах которой сидели партизанские дозоры. С другой стороны, примерно в двух километрах, тек широкий Неман. Передовой отряд партизанского соединения имени Котовского находился ближе всех к крупному городу Мосты, в котором было полно немцев, но, с другой стороны, добраться до него было очень непросто. С востока же тянулся довольно большой для этих мест лесной массив, в котором базировались главные силы соединения. Но в той стороне до населенных пунктов, в которых находились немцы, было очень далеко. В это лесисто-болотистое междуречье враг не совался и раньше. А небольшие полицейские гарнизоны в нескольких местных деревнях были вышиблены пришедшими партизанами так быстро, словно народные мстители их и не заметили.

Сам же лагерь находился на сухом лесистом возвышении и состоял из десятка шалашей – даже скорее хижин. Это были четырехугольные сооружения с двускатной крышей, между каркасом из сосновых жердей были вплетены еловые ветки. Кроме того, на крыши побросали немецкие плащ-палатки и какие-то брезентовые чехлы. Сверху от взгляда летчиков лагерь защищали ветки могучих сосен. В партизанском стойбище кипела будничная жизнь. Люди чистили оружие, чинили одежду и обувь после длинного рейда, в результате которого они сюда и пришли. Возле крайнего шалаша собралось в кружок несколько человек, в центре на пне расположился немецкий ручной пулемет.

– Ну что с тобой делать, Кандыба? – сердито выговаривал кто-то, безбожно мешая белорусские и русские слова. – Сколько раз тебе кажу, а ты все не можешь сразуметь... Ведь хочешь стать пулеметчиком? Так вот, пока с закрытыми глазами эту фрицеускую машинку собирать-разбирать не научишься, к пулемету тебя не подпустят. Так что давай еще раз.

По лагерю шли двое. Один из них был высоким худощавым человеком типично монголоидного типа. Он был одет в кожанку, туго перепоясанную ремнем, выдавшие виды защитные штаны и ослепительно сверкающие хромовые сапоги. На шее у него висел автомат ППШ. Это был командир отряда Аганбеков. Несмотря на типично партизанский вид, он держался так, что сразу было видно кадрового военного.

Рядом с ним шагал полноватый офицер с круглым добродушным лицом в полной советской форме старшего лейтенанта. И на нее, на эту форму, партизанский командир время от времени косился с завистью. Еще бы! На гимнастерке были погоны! Конечно, партизанам доводилось слышать об этом нововведении, но своими глазами в отряде советских погон до того никто не видел. Командиру же новая форма очень нравилась. Несмотря на то, что пограничнику старшему лейтенанту Аганбекову с шестого дня войны пришлось сражаться в партиза-

нах, он продолжал считать себя кадровым офицером (тоже новое слово, которое ему очень нравилось).

Впрочем, немцы придерживались того же мнения. Как следовало из захваченных документов, этот отряд состоял из «заброшенных в тыл специально подготовленных фанатичных азиатов-комиссаров⁷». Хотя «азиат» в отряде был всего один – командир, а «специальную подготовку» большинство из них прошло в боях в тылу врага.

Что же касается своих, то во всем партизанском крае, из которого они ушли в рейд, «казахи», как звали этот отряд, пользовались огромным уважением. Попастъ к ним хотели многие, несмотря на жесткую дисциплину, куда более суровую, чем в других отрядах. Но Аганбеков брал далеко не всех. Одно время он даже имел на этот счет серьезные конфликты с командованием, но в конце концов те смирились, сообразив, что не так уж и плохо иметь в составе соединения одну выдающуюся боевую часть, которую можно послать хоть в пекло – задание они выполнят.

Офицер в форме с интересом осматривался вокруг. Начальник особого отдела партизанского соединения имени Котовского, старший лейтенант Сухих, имел очень небольшой партизанский опыт. Всего три недели, как его забросили с Большой земли. До этого он служил во фронтовых частях. А это, понятное дело, совсем не одно и то же. Забросили – и тут же направили на очень серьезное дело. Десять дней назад партизанское соединение имени Котовского в составе пяти отрядов было послано по приказу ЦШПД⁸ из партизанского края на запад. Это понятно. В лесах под Бегомлем, да и в соседних районах тоже, наблюдался явный переизбыток партизан. Шутили: «Отрядов – как народу в трамвае». По сути, дел уже на всех не хватало. Прибавьте сюда продовольственный вопрос, самый трудный в партизанской войне... Так что отряды стали распахивать на новые места.

А вот здешние районы были своеобразными. После бескрайних лесов, где базировался партизанский край, нынешняя округа обилием лесных массивов совсем не радовала. Хотя, по сведениям ЦШПД, партизаны воевали и не в таких местах. Но именно в силу малолесья, по имеющимся сведениям, в окрестностях действовало лишь несколько армейских разведгрупп, да еще какие-то самодеятельные отряды, о которых имелись достаточно смутные сведения. Прочной связи с ними не было. И чем они занимались – да и существовали ли вообще, – точно никто не знал. Так что тут все предстояло начинать с нуля: налаживать связи с населением, заводить агентуру – и так далее и тому подобное.

И все это, можно сказать, на пустом месте. В сорок первом немцы так быстро пришли в эти края, что никакого подполья здесь создать просто-напросто не успели. Потом, правда, пытались забрасывать группы, но большинство из них так и сгнуло без вести. Прибавьте это к тому, что представители советской власти добрались сюда лишь в 1939 году. И настроение населения не очень представляли. Хотя когда-то, в двадцатых годах, тут ходили мощные партизанские белорусские отряды, которым очень не нравилась новая польская власть, прихватившая в 1920-м эту территорию. Они даже, случалось, города штурмом брали. Так что здесь можно было ожидать чего угодно.

Старший лейтенант Сухих очень рассчитывал на знаменитый отряд Аганбекова. Благо командир, как пограничник⁹, не испытывал традиционной для военных неприязни к работникам особых отделов. Там, на западной границе, все хорошо знали, зачем нужны особисты... Поэтому как только соединение пришло на новое место, он отправился в этот отряд, вставший в отдалении от других, недалеко от края леса. Об Аганбекове он знал, что положено. Погранич-

⁷ Подлинная цитата из немецкого документа.

⁸ ЦШПД – Центральный штаб партизанского движения. К началу 1943 г. он руководил действиями практически всех крупных отрядов и соединений.

⁹ Пограничные войска входили в структуру НКВД.

ник, начальник заставы, в суматохе первых дней войны очутился отрезанным на своем участке. Не получая никакого приказа, он держался шесть дней, а потом вывел тех, кто остался в живых. Оказавшись во вражеском тылу, он довольно быстро принял решение перейти к партизанской войне, сколотив отряд из болтающихся по лесам окруженцев. Как говорили, он и тогда брал далеко не всех, а только тех, кто имел при себе оружие. Четыре месяца воевал самостоятельно и в отличие от большинства подобных формирований сумел сохранить свой отряд. Уже осенью он присоединился к более крупному отряду Асташкевича, который стал теперь партизанской бригадой имени Котовского. Во время рейда познакомиться с Аганбековым Сухих не удалось. Отряд шел далеко впереди, разведывая путь, и из его бойцов в бригаде появлялись лишь связные. Да и не до знакомств особых было...

...Попав в лагерь, несмотря на свой крайне ограниченный партизанский опыт, Сухих увидел, что «казахи» – это и в самом деле «не все остальные». В лагере было заметно отсутствие бестолковой суеты и прочей «партизанщины». Из мелочей более всего бросалось в глаза, что бойцы Аганбекова решительно игнорировали повальную партизанскую моду на ношение бород. Все были чисто выбриты – будто находятся в военной части в нашем тылу, а не в немецком. Но это была частность. Главное же – остальные отряды только еще обустривались, а этот уже был готов к активным действиям. Хотя первым из этих действий должна была быть разведка. В том числе – та, которая интересовала особиста: требовалось прощупать настроение в ближайших населенных пунктах, узнать, с кем можно иметь дело, а с кем – нет. То есть налаживать агентурную сеть.

* * *

На ходу Аганбеков продолжал разговор.

– Товарищ старший лейтенант, я вполне понимаю важность стоящих перед нами задач. Я вчера послал своего разведчика, Мельникова. Кроме действий в интересах отряда ему приказано провести и более глубокую разведку.

– Мельников? Слышал о нем краем уха. Он вроде бы местная знаменитость?

– Хороший разведчик, – сдержанно отозвался командир отряда. – Но склонен к неоправданному риску.

Особист про себя усмехнулся. Аганбеков в партизанском крае был известен как один из самых отчаянных командиров. Так кто ж тогда этот Мельников, если его и казах считает чересчур рискован парнем?

Командиры между тем приблизились к краю лагеря. Тут росло несколько небольших елок, из-за которых доносились голоса и аромат незнакомого табака. Видимо, разведчики осваивали сигары, которые еще во время рейда прихватили в немецком грузовике, имевшем несчастье попасться им на пути при пересечении одного шоссе. Кто-то рассказывал:

– Нет, братцы, вы уж мне поверьте. Все эти истории про финских снайперов на деревьях – это сказки дедушки Мазая. Не было такого! Да и сами посудите. Залезть-то на дерево можно. А засекут тебя – куда отходить будешь? Как белка, по деревьям прыгать? Да и стрелять сквозь ветки сверху вниз... Наблюдатели на деревьях – вот это сколько угодно.

– Это мой боец, Макаров, с вашими людьми опытом делится. А ему есть чем поделиться...

Аганбеков запомнил этого парня, который приехал утром в отряд вместе с особистом. Он был тоже в армейской форме, с погонами старшины. Опытным взглядом пограничник сразу определил, что парень до заброски в партизанский лес отнюдь не тыловой склад валенок охранял...

Командиры обошли елки. За ними и в самом деле сидело пять человек разведчиков из отряда и этот самый Макаров, крупный чернявый парень. При виде командиров все поспешно

вскочили. Что, кстати, в партизанских отрядах случалось тоже далеко не всегда. Дисциплина у них бывала очень разная.

– Сидите, – махнул рукой Аганбеков. – Про Мельникова ничего не слышно?

– Никак нет. Думали, с утра придет, а все нет...

Вдруг Макаров, расслабленно сидевший, поставив свой автомат прикладом на землю, в мгновение ока вскочил – а оружие было уже в его руках, со взведенным затвором... Мастер... К счастью, один из партизан ударил рукой по стволу.

– Свои!

Сухих обернулся – и поймал себя на мысли, что рука его тоже непроизвольно потянулась к кобуре.

Особист достаточно насмотрелся на бойцов немецких спецподразделений. И на диверсантов, и на десантников. Работа у него была такая – этих типов ловить, а потом и допрашивать. Так вот, субъект, совершенно бесшумно появившийся из-за куста, за которым, кажется, и собака не смогла бы спрятаться, выглядел точь-в-точь как немецкие диверсанты. Это был высокий здоровенный парень, одетый в немецкий камуфляжный эсэсовский костюм с откинутым капюшоном, кепи с характерным большим козырьком и высокие парашютные ботинки. В руках он держал «шмайссер», к тому же на поясе красовалась кобура и финка. Понятно, почему Макаров так среагировал. У него-то опыт общения с подобными персонажами – как с немецкими, так и с финскими – был куда богаче... Да и общался он с ними в полевых условиях, а не в кабинете.

– Вот, Мельников, дошуткуешься ты когда-нибудь, – проворчал партизан, который отвел автомат Макарова. – Сейчас этот парень всадил бы в тебя полдиска. У него, видать, на такую форму одежды реакция четкая, да и, судя по нему, он бы не промахнулся...

В ответ Мельников лишь улыбнулся. И тут Сухих понял, что знаменитый партизанский разведчик, про которого в бригаде рассказывали разные лихие истории, очень молод. Лет восемнадцать, не больше. Просто у него были резкие черты лица, которые его старили; козырек кепи скрывал глаза. И фигура у него была массивнее, чем у ребят его возраста. Но на то старший лейтенант и был особистом, чтобы разбираться в людях. Теперь стали понятны слова командира про «склонность к неоправданному риску». Хоть и герой, а все равно мальчишка.

Между тем Мельников, закинув автомат за плечо, подошел к Аганбекову.

– Товарищ командир, задание выполнено, разведку я провел. Только сперва разрешите доложить: наш секрет – тот, что слева у болота, возле реки, – плохо поставлен. Я прошел незаметно; значит, кто-нибудь еще может...

– Про пикет мог бы и потом, – поморщился Аганбеков. – Докладывай.

Мельников на секунду замялся, покосившись на незнакомого лейтенанта. Перед рейдом и во время него он находился в передовой разведке своего отряда, поэтому был не в курсе перемен в руководстве соединения.

– Это начальник отдела старший лейтенант Сухих. При нем можешь докладывать.

– Разведку проводил, согласно приказу, в южном направлении. Обнаружил брод через Щачу. Брод хороший, можно пройти с телегами. Шоссе Слоним – Волковиск и Волковиск – Мосты довольно оживленные. Немцы там непуганые. Даже одиночные машины ходят. То же самое с железной дорогой. По обеим веткам движение оживленное. Охраняются из рук вон плохо. Ясно, что про партизан тут и не слыхали. Или слыхали, но позабыли. В ближайших деревнях стоят гарнизоны. Полиции. В Мостах, как уверяют местные жители, сильный немецкий гарнизон. Но сам я к нему приближаться не стал. И еще. Есть сведения, что на юго-востоке, на этой стороне Щачи, есть партизаны. Только какие-то странные.

– Точнее!

– Я слышал только из вторых рук. Сведения следующие. Пришли в одну из деревень, сожгли мельницу.

Аганбеков пробормотал сквозь зубы какие-то энергичные казахские слова. Потом повернулся к Сухих и пояснил:

– По заведенным немцами порядкам, фрицы контролируют мельницы. Крестьянам разрешается молотить на них зерно, но за это они обязаны отдавать определенную часть помола. На старом месте, еще до образования партизанского края, мы внедряли на мельницы своих людей. Они нам сообщали, когда мука накопится, – и партизаны эту муку изымали. Часть отдавали населению. А уничтожение мельницы – это прежде всего удар по жителям, а не по немцам. То есть, возможно, немцам от этого и будет какой-то ущерб, но вот недовольство жителей такая акция вызовет куда скорее. Это, как говорится в русской пословице, плевать в колодец.

– Товарищ Мельников, – спросил Сухих, – а вы не интересовались, что это за партизаны? Тут ведь могут быть и какие-нибудь националисты... Белорусские или польские...

– Интересовался, товарищ старший лейтенант. То есть про националистов мне в голову не пришло, я никогда с такими отрядами не сталкивался. На востоке все белорусские националисты служат в полициях. Да и немного их там... А вот мысль о том, что, может, это какие-нибудь «зеленщики»¹⁰, – возникла. От этих-то всего можно ожидать. Так ведь нет. Говорят, у них на шапках красные ленты, на груди красные ленты. «Зеленщики» их на себя не вешают. Но ведь сейчас, после Сталинграда, многие поднялись, кто раньше отсиживался. А дураков-то хватает...

– Ладно, про это у нас все равно сведений мало, – подвел итог Аганбеков. – Для заготовителей есть что-то?

– Так точно. Деревня в пятнадцати километрах отсюда, на этом берегу. Гарнизон – семь полицейских, городские, с Новогрудка. В последнее время каждый день напиваются самогоном. Староста – местный. При поляках был по тамошним меркам довольно зажиточным. Но не то, чтобы кулак. Когда в тридцать девятом пришли наши, он одним из первых вступил в колхоз, выбился в передовики. В общем, был вполне за советскую власть. При немцах, как говорят местные жители, сам напросился в старосты. На фрицев работает добросовестно, да и, судя по всему, себя тоже не забывает. Неоднократно его видали в Мостах на рынке – он торговал продуктами. А тут у народа лишних продуктов немного. Я думаю, товарищ командир, надо его сегодня брать. Трое полицейских в соседнюю деревню должны поехать на какую-то пьянку.

– Будем брать, – заключил Аганбеков и повернулся: – Жихаревича сюда быстро!

Вскоре прибежал немолодой человек в штатском пальто и в немецких сапогах.

– Собирайте команду и двигайтесь. Мельников для вас нашел объект.

– Только вот, товарищ командир, у меня двое выбыли. Малькевич больной лежит, сильно простудился во время рейда, а Санин ногу на переходе подвернул, растяпа. Кого прикажете взять?

Тут вдруг вмешался Макаров. Он вместе с разведчиками удалился на почтительное расстояние, дабы не слушать речи начальства, но последние переговоры шли уже достаточно громко. Он обратился к особисту:

– Товарищ старший лейтенант, разрешите мне идти с ними! А то – что я бездельничаю? А обратно в штаб, я слышал, вы все равно с людьми из отряда поедете. Да и мне надо начать осматриваться. Для меня ведь все эти партизанские дела – темный лес... Каким я вам буду помощником, если ничего в местных условиях не понимаю?

– Я не возражаю, но вот командир, к нему и обращайся.

Старшина повторил свою просьбу.

– Мельников, возьми старшину?

Разведчик поглядел на бойца с симпатией. Видимо, резкий парень ему понравился.

¹⁰ «Зеленые», или «зеленщики», – так в Белоруссии называли партизан, не желавших подчиняться центральному руководству. Иногда это были люди, пассивно отсиживавшиеся в лесах, иногда – обыкновенные бандиты.

– Возьму. Только ты, браток, автоматом по дороге не очень махай. Тут у нас дело тонкое, твой выстрел должен быть вторым...

Как отметил про себя Сухих, не такой уж Мельников и авантюрист... Чтобы за двое суток набрать в совершенно незнакомом месте столько ценной информации, человек должен обладать не только храбростью, но и мозгами...

* * *

Выступление было назначено на вечер, так что партизаны успели с толком пообедать. Пока суд да дело, Сергей Мельников, как-то мигом скорешившийся со старшиной (которого, как оказалось, звали Григорием, и был он ленинградцем), прояснил ему суть предстоящего похода. Разведчик рассказал, что они отправляются с командой, которую в отряде называли заготовителями. В их задачу входило добывать для отряда продовольствие и одежду. К армейской службе снабжения это имело очень отдаленное отношение. Аганбеков очень не любил брать продукты у жителей, справедливо полагая, что это не добавляет партизанам популярности; потому-то его и взбесило так сильно сообщение насчет мельницы. Ведь главное оружие партизана – это поддержка населения. Тем более что и брать-то было особо нечего. Поэтому заготовители и искали разные источники снабжения. Немецкие склады, которые плохо охранялись. Или, как сейчас, различных немецких приспешников, которых не грех и потрясти. А в этом-то районе они пока что были чужаками, которые не прославились ничем – ни плохим, ни хорошим. Между тем партизан не будет пользоваться уважением только потому, что он партизан.

– Знаешь, сколько в сорок первом на этом народу погорело? И ведь неплохие были ребята, да глупые. Привыкли, что за ними стоит вся советская власть. А тут не стоит никто. Вот, к примеру, придут немцы в деревню: где партизаны? А что тем скрывать, если эти партизаны пришли, отняли все продукты, да еще самогонкой упились? Вот так и гибли люди... А были те, кто еще глупее поступал. Кто силком людей зачислял в отряды.

– А что тут такого, – не понял Макаров, – в армию-то людей призывают? И ведь тоже далеко не все идут с песнями.

– Да уж знаем про то, что не все с песнями, – вмешался подошедший Жихаревич. – Я в сорок первом был в истребительном отряде¹¹, на дезертиров мы нагляделись. Но ты вот о чем подумай. Если из армейской части один шкурник сбежит – неприятно, но все же беда небольшая. Если какая гнида даже к врагу переметнется – много ли он сможет фрицам рассказать? А в лесу один такой предатель может запросто погубить весь отряд. Вот прошлой зимой было дело... Я тогда был не у Аганбекова, а в другом отряде. Так вот, сбежала у нас одна падла и, чтобы шкуру свою спасти и выслужиться, выдала фрицам все наши тайники с продовольствием. А мы на это продовольствие сильно рассчитывали. И что? Зима, жрать нечего. Пришлось нам, чтобы не протянуть ноги с голоду, разбежаться в разные стороны мелкими кучками. Вот так. Был отряд – и не стало его. А ведь могло быть и хуже...

* * *

Двинулись часов в пять вечера. Вместе с Мельниковым и Макаровым на дело шло семь человек плюс подвода. Как успел заметить старшина, в повозке кроме большого количества

¹¹ Истребительные отряды – вооруженные формирования, создававшиеся в начале войны из работников милиции, коммунистов и комсомольцев. Главной их задачей была борьба с диверсантами и агентурой противника. Многие подобные отряды стали основой партизанских.

пустых мешков лежали ручной пулемет MG-34 и коробка с лентами. Да и заготовители были увешаны оружием.

– Что, серьезное дело будет? – спросил Григорий.

– На этот раз вряд ли. Но мало ли что... Бывает ведь по-разному. А тут места чужие...

Некоторое время отряд шел сосновым лесом, затем вышли на заросшую кустами просеку. Вскоре местность понизилась, под ногами зачавкало, справа между чахлыми деревьями мелькнула неширокая река. По сырому мелколесью двигались примерно с час. Наконец шедший впереди Мельников поднял руку. Впереди за небольшим лугом виднелась деревня.

– Петька, мы с тобой двинем, глянем, что там и как, – распорядился он.

Вышел один из заготовителей, одетый в немецкую шинель, – и эти двое двинулись, ничуть не прячась, через поле.

– Вот дают, так прямо и прут внаглую? – изумленно протянул Макаров.

– Так полицаи долго будут думать, кто это. А когда разберутся... Один Мельников стоит пятерых полицаев. Да и Петька парень не промах, – пояснил Жихаревич ситуацию.

Вскоре от деревни раздался... футбольный свисток.

– Мельников сигналил – значит, все чисто, пошли, – скомандовал заготовитель.

Команда двинулась через луг. На околице их ждал Сергей с каким-то дедком.

– Петька во дворе у старосты караулит, а то сбежит еще. А этот дедок – он мне все и рассказал. И ведь ждал нас...

– А как же, я ж на прошлой войне служил в русской армии. Понимаю, что не зря меня парень расспрашивал. Полицаи-то дрыхнут вон в том доме... Я им хорошую самогонку обеспечил.

– Семен, Василий, давайте за дедом. Стерегите этих. Но если не прочухаются – не суйтесь. А мы к старосте.

* * *

Дом у старосты был неплохой, заметно лучше соседних. Оставив одного на улице, остальные ввалились внутрь.

Хозяин, плотный мужик лет сорока пяти с длинными вислыми усами, сидел за столом и что-то хлебал из тарелки. Позади стояла женщина, очевидно, жена.

Мужик ошалело поглядел на вошедших.

– Вы... Кто?

– А то не видишь? – Жихаревич показал на красную звезду на пилотке Макарова. – Советские партизаны, слышал про таких, а? Не слышал – так сейчас услышишь! Сейчас ты ответ давать будешь, за то, что, гад, немцам служишь.

Староста оглядел еще раз всех. Потом рухнул на колени и пополз... именно к старшине.

– Ваше благородие... Товарищ... Смилуйтесь! Не по своей воле... Заставили...

Григорий сообразил, что, старосту, видимо, совсем сбilo с толку его обмундирование. Мужик, судя по возрасту, ведь и при царе жил, а новая форма сильно смахивает на старую царскую.

Баба тоже заголосила.

– Ты тут, падла, на жалость не дави! – рявкнул стальным голосом Жихаревич. – Мы про тебя все знаем. И сколько ты на рынке спрятал, и сколько у тебя возле амбара закопано... Так что, товарищ командир? – обратился он к Макарову. – Повесим его или расстреляем?

Старшина не был дураком: он понял, что тут идет какая-то игра, а потому с ходу включился и важно изрек:

– Лучше повесим. Патроны надо беречь.

Староста уже явно увидел себя болтающимся на веревке. Он простонал:

– Все отдам, все...

– Ну, пошли, раз так.

В самом деле, возле угла амбара обнаружили закопанные в землю три бочки. Одна была с зерном, две другие – с соленым мясом. Партизаны быстро извлекли их и потащили к телеге.

Макаров уже было подумал, что все закончено, но Жихаревич строго поглядел на старосту.

– А теперь давай все остальное.

– Нет больше ничего. Ей-богу, нет!

– Товарищ командир, он не понял.

– Я сейчас за веревкой схожу, – подал голос Мельников. Вскоре он вернулся от подводы, ловко соорудив на ходу из куска веревки затяжную петлю.

– С мылом у нас плохо, будешь по-сухому висеть...

Баба продолжала заливать на всю улицу. В соседских окнах показались лица – и тут же скрылись. На улицу никто не вылез. Мало ли кто пришел разбираться со старостой. Немцы их тоже не особо берегли, порой расстреливали или вешали для острастки остальных. А уж морды били регулярно. Да и какой-нибудь «свой» начальник повыше, типа бургомистра, тоже мог заехать на огонек да рожу начистить.

– Последний раз говорю...

И тут староста сломался. Он рванул в амбар, долго там копался, и, наконец, вышел, держа в руках небольшой дерюжный мешок. Глянув в него, Жихаревич удовлетворенно хмыкнул.

– Да тут с полпуда будет! А говоришь – нету. Ну, ладно... Смотри у нас.

Он повернулся и двинулся со двора к подводе.

– А что с ним делать-то? – спросил Макаров.

– А... Хлопцы ему морду набьют – и ладно. Петька, снимай ребят от полицейского дома. Пора и домой.

* * *

Назад шли с куда меньшей осторожностью. Заготовители курили на ходу и переговаривались, не понижая голоса.

– Мясо и зерно – это хорошо. Но главное дело – соль взяли. Теперь у жителей что угодно купим.

– А что, вы и торговлей занимаетесь? – удивился Макаров.

– А ты как думал? И торговлей занимаемся. Не всегда ж вот такие гады находятся. Иногда приходится и к людям обращаться. Ну, с продовольствием еще туда-сюда: народ, если по-человечески попросишь, еду даст. А вот одежду, а особенно обувь, крестьянин отдает с большим трудом. А на партизане все огнем горит. Откуда взять? Деньги-то, марки эти поганые, никто давно уже не берет, на них все одно ничего не купишь. А вот соль – это да. На нее все можно выменять. Фрицы-то не особо заботятся, чтобы народу соль подвозить. В прошлом году, когда немец нас в леса загнал, сами без соли насиделись. Минеральное удобрение в кашу сыпали.

– А ловко вы его. И про соль догадались...

– В лесу всему научишься, – усмехнулся Жихаревич. – Да к тому ж я ведь до войны в Молодечно в милиции работал. Насмотрелся на таких вот куркулей. Вот, как ты думаешь, он ведь почему к немцам-то служить подался? Не потому что советскую власть ненавидит. Он при ней, как Серега сказал, первым в колхоз побежал. А вот почему. При любой власти такой вот дядька хочет хорошо жить. И наплевать ему на все. При поляках жил, при наших жил – и при немцах собрался хорошо пожить. В сорок первом ведь многим казалось, что немец пришел всерьез и надолго. Даже на нашей стороне. В смысле – за старой границей. А тут – и подавно.

– Только я вот еще не понял: почему вы его все же не расстреляли, фашистского прихвостня?

– Расстрелять его мы всегда успеем, дело нехитрое, – ответил Мельников. – Зато теперь заготовители будут знать, куда ходить. Да и у твоего старшего лейтенанта, может, какие-то планы на него появятся. Ведь теперь этот староста будет у нас как пес выслуживаться! Потому мы и полицаев не пристрелили. Чтобы фрицы на него чего не подумали. А может, они сами к нам прибегут службу свою предлагать. Особенно когда мы тут шуметь начнем. Видали.

– Сложно тут у вас, в немецком тылу. На фронте как-то проще, – покачал головой старшина.

– Ничего, привыкнешь... Ты не первый, кого с Большой земли к нам присылали. Все приноровились.

Глава 2

Здесь различные встречи случаются

Против нас территория и местность, к которой мы не привыкли и для которой недостаточно выносливы. Мы не можем двух дней обходиться без теплой пищи и вынуждены таскать за собой полевые кухни, а русский может обходиться без этого. Мы не выдерживаем такие марши, как русские... Банды располагают лучшей разведкой, чем мы...

Из выступления референта СД оберштурмбаннфюрера СС Штрауха на совещании в Минске в феврале 1943 г.

22 апреля, район партизанской базы

– Ладно, я двинул.

Семен Голованов, бывший моряк Днепровской флотилии, подхватил мину и, пригибаясь, ринулся через вырубленное пространство «зоны отчуждения» на железнодорожную насыпь. Остальные бойцы скопились в лесу, наблюдая за процессом. Поезд был недалеко – уже слышалось пыхтение паровоза.

Установка мины «по нахалке», прямо под носом идущего поезда – дело сложное, требующее большой квалификации. Честно говоря, не самый прогрессивный способ. Но ничего не попишешь. Так приходилось работать потому, что немцы тоже не дураки – их патрули внимательно осматривали полотно и при любом подозрении вызывали саперов. Правда, на этой ветке взрывов еще не производили и патрули были достаточно беспечны. Но партизан мучила другая беда – тола было в обрез. Когда шли в рейд, тола взяли немного, чтобы не увеличивать обоз. Полагали – когда придем на место, с самолетов сбросят, благо со связью все было хорошо. Да вот погода в последние дни выдалась нелетная, летуны отвечали, что прибыть никак не могут. А очень хотелось начать рвать рельсы, пока немцы не пришли в себя. Конечно, они знали, что сюда пришел партизанский отряд – шила в мешке не утаишь. Но пока что еще не раскачались и не приняли меры к охране железнодорожных веток. Хотелось поработать, так сказать, на чистом месте. Именно из-за недостатка тола подрывники решили действовать наверняка.

Паровоз уже был в прямой видимости, когда Голованов кубарем скатился под откос и рванул к лесу. Мельников поднял автомат, его сосед по зарослям – «ручник», готовясь прикрыть товарища в случае чего. Но, видимо, фрицы тут были и в самом деле непуганые. Поезд даже не начал тормозить. Видимо, матроса просто-напросто никто не заметил.

Мельников разглядывал поезд, идущий на северо-запад. Прямо за паровозом было прицеплено три пассажирских вагона, дальше шло несколько товарных, среди которых – две цистерны. Сборная солянка какая-то. Но ладно, и то хлеб.

– А фрицы здесь совсем забурели, – хмыкнул лежащий рядом с Мельниковым партизан. – Гляди, пассажирские вагоны прицеплены сразу за паровозом.

– Да уж, просто как дети малые, – согласился разведчик.

Обычно железнодорожники, составляя смешанные поезда, всегда цепляют пассажирские вагоны первыми. Но дело-то в том, что при подрыве поезда более всех страдают именно первые вагоны. А на войне кого попало в таких вагонах не возят...

...Тем временем паровоз достиг места минирования. Сильно грохнуло, из-под колес взметнулось рыжее пламя; локомотив окутался клубами дыма и плавно, как в замедленном кино, повалился с насыпи. Вагоны по инерции начали лезть на паровоз и друг на друга – а потом первые пять вагонов тоже с треском повалились под откос. Цистерны остались стоять, но тут ударил пулемет; из соседних кустов тоже потянулась цепочка «трассеров». Расстояние было

небольшим, метров сто, поэтому довольно быстро пулеметчики добились цели: одна цистерна загорелась – и вскоре уже пылала факелом; огонь от нее перекинулся на соседний вагон. Между тем Голованов уже давно добрался до своих.

– Идем, что ли, поглядим как там с фрицами в вагонах? – спросил Мельников.

– Посиди! Один такой сходил...

К подрывному делу Сергей имел очень отдаленное отношение. Он и теперь попал на акцию, так сказать, за компанию. Два дня назад его послали за Неман, в очередную разведку. Мельников управился быстрее, чем предполагал, а на обратном пути встретил возле железки группу Голованова. Вот и решил поглядеть на фейерверк.

... Через минуту после предупреждения подрывника Сергей понял, что вздумай он, как хотел, поглядеть на вагоны, мог бы сегодня и закончить свой боевой путь. Вагон, до которого добралось пламя, рванул. Да как! Горящие обломки полетели во все стороны. Запылал и соседний...

– Вот теперь точно надо валить, – прокомментировал Голованов. – Слишком уж много шуму и пиротехники. А до Мостов всего ничего. Сейчас точно фрицы подоспеют. А ты ведь сам сказал, что у них там есть бронедрезина. Так что с пассажирами этого поезда ты не познакомишься.

– Придется достать немецкую газету и прочесть там, – совершенно серьезно ответил Сергей.

* * *

Партизаны быстро стали откатываться в лес. Разумеется, преследовать их никто не станет – по крайней мере пока не прибудет подкрепление. Но на станции Мосты и в самом деле (по сведениям, добытым Мельниковым) имелась бронедрезина – весьма неприятная штука, непробиваемая для партизанского оружия. Попасть под ее огонь никому не хотелось – эта дура как начнет садить... А с ней, глядишь, подоспеет и какая-нибудь охранная часть. Тем более что главное-то сделано.

Бойцы пересекли лес, потом пошлепали по болоту, поросшему высоким – выше человеческого роста – сухим камышом. Впереди блеснул широкий медленный Неман. В небольшом заливчике стояла большая рыбацья лодка, искусно замаскированная в камышах. Партизаны столкнули ее в воду, погрузились, – и вскоре посудина уже пересекала славную реку. На том берегу лодку вытащили на берег и замаскировали ее в прибрежных кустах. Все происходило быстро и без лишней суеты. Лишь очутившись в лесу, партизаны расслабились и закурили.

– Ну что ж, с почином на этой ветке! Поздравили фрицев с днем рождения Ленина, – сказал Голованов. – Слушай, Серега, так где ты все-таки взял эту лодку? Без нее на тот берег нам было бы не слишком весело лазить. Фрицы, наверное, потому и чувствовали себя там так спокойно.

– Я ж вам честно сказал: купил, а вы все не верите. Соль мы с Жихаревичем взяли? Взяли. Вот я и сторговал за полкило у одного человека из Левых Мостов. Правда, хозяин, наверное, и так бы отдал. Все одно рыбу ловить бессмысленно, улов отберут – не немцы, так полицаи. У них ведь так: привяжутся – ты куда плавал, к партизанам? Люди и рады все отдать, чтобы отвязаться. У них, кстати, так было заведено, еще когда нами тут и не пахло. Да и никаких партизан в округе не имелось.

– Только вот... Каждый день плавать... Может, выселки на правом берегу сделать для подрывников?

– Лес там гаденький. А за ним – голые поля. Если все-таки сунутся по вашу душу – куда денешься? Либо драпай по полям, как заяц, либо как Чапай – через реку под огнем... Это тебе не наши бывшие места.

В самом деле, по сравнению с прошлой базой леса тут были не ахти. Особенно здесь, на северо-западе от базы. На востоке дело обстояло лучше. Там вот уже неделю партизанские соединения успешно мешали фрицам жить на железнодорожной ветке Барановичи – Лида. Но до той ветки было сорок километров. В местах, откуда пришло соединение, партизаны уже настолько обнаглели, что подрывники не уходили далеко от объектов диверсий, а устраивали «выселки» неподалеку от железных дорог. Чтобы ноги зря не бить.

Тем временем ЦШПД требовал расширения сферы диверсий. Рядом имелась одна ветка – именно эта, Мосты – Лида, которую сегодня «обновили». По прямой от лагеря Аганбекова до нее было всего лишь восемь верст. И подходы удобные, через лес. Одна беда – на пути лежал полноводный Неман. Но вот Мельников достал лодку, пообещав, что будут и еще. Может, оно и к лучшему, что все так складывалось. Немцы некоторое время будут искать партизан, рвущих эту железку на том берегу, решив, что «бандиты» разделились. Искать будут долго – они это всегда делают серьезно, обстоятельно. А для серьезности и обстоятельности нужно очень много войск, которые не так просто раздобыть в этом глухом тылу. Ведь ближе к фронту партизан еще больше.

Потом-то, конечно, вычислят – не дураки все-таки. Но весь расчет был на то, что к тому моменту, когда немцы созреют для активных действий, соединение сильно разрастется, а главное – пустит корни в местную почву, приобретет в каждой деревне глаза и уши. Вот тогда справиться с ним будет непросто. Ведь все-таки главная сила партизан – совсем не в дремучих лесах. Бесследно спрятаться в чаще может небольшой отряд. А крупное соединение всегда оставит следы, враг его все равно рано или поздно вычислит. К тому же есть у глухомани и другие недостатки. Что жрать-то там? И самое главное – с кем сражаться? Так что густой лес нужен для начала, в самый трудный период создания отряда. Или, если фрицы загнали, – отсидеться и прийти в себя. А дальше партизаны приобретают иную силу: каждое движение врага становится им известным раньше, чем начнется. На это и рассчитывало руководство ЦШПД, когда посылало бригаду в эти, скажем так, не самые глухие места. Все понимали – это задел на будущее.

* * *

В лагере возвратившихся с задания партизан встретили Аганбеков и комиссар отряда лейтенант Михайлов. Надо сказать, что комиссаром Михайлов, тоже пограничник, был по совместительству, одновременно исполняя обязанности заместителя командира. Аганбеков политработников откровенно недолюбливал еще со времени своей пограничной службы, и эту должность ввел просто потому, что так было положено: раз есть партизанский отряд, в нем должен быть комиссар.

Выслушав рапорт Голованова, командир подвел итог:

– Хорошо начали. Молодцы. Пока все свободны, кроме Мельникова.

Когда остальные разошлись, заговорил Михайлов:

– Прибыл человек из штаба. Там у них что-то стряслось. Седых ищет толковых людей для особого задания. Про тебя, Мельников, он вспомнил персонально. Наслушался, видать, баек про твою удачу, переходящую в разгильдяйство. Вот и сегодня тоже. Полез поезд взрывать... Будто Голованов без тебя бы не обошелся. Тоже мне, народный герой бригадного масштаба... В общем, бери лошадь и двигай в штаб.

– Товарищ лейтенант, а может, я пешком, тут всего-то пять километров, – затянул Мельников.

– Не пять, а шесть. К тому же сказано – срочно!

Вскоре два всадника отправились из лагеря. Глядя на Мельникова, Аганбеков не мог сдержать улыбки. Сергей обладал многими талантами, но искусство верховой езды к ним не

относилось. По крайней мере с точки зрения казаха, которого отец, следуя древнему обычаю, посадил на коня, как только мальчик начал ходить. Не зря ведь Мельников предпочитал пешее передвижение. А пару-тройку раз, когда возвращаться с задания было далеко, просто захватывал немецкие машины – что, кстати, во многом и было причиной его популярности.

* * *

Штаб соединения размещался в глухой лесной деревушке. До прихода партизан в ней был лишь староста, который заступил на этот пост еще в сорок первом. Впрочем, он и сейчас тут жил. Как говорили жители, надо ж было кого-то выбрать – вот его и выбрали¹². Фрицы сюда не совались всю войну. Да и полицаи были лишь несколько раз. Недаром партизаны, когда пришли, обнаружили тут даже типичного «зятка» – окруженца, пристроившегося к одинокой женщине. Вообще-то в Белоруссии таких раньше было много. Не только солдат, оказавшихся в окружении, но и беглых пленных. Но в сорок втором, когда стали бурно расти партизанские отряды, немцы стали активно вылавливать по деревням всех пришлых, – так что большинству «зятков» пришлось либо идти на службу фрицам, либо двигать в лес. А этот вот жил...

Сухих располагался в бане, в стене которой прорубили окно. Особист сидел за грубо сколоченным столом и что-то писал.

Как оказалось, со срочностью Михайлов немного переборщил.

– Товарищ Мельников, с делом, ради которого я вас вызвал, придется немного повременить. Макаров выполняет задание – и куда-то запропастился. А задание у меня к вам и к нему. Но вы пока можете мне помочь. Вы ведь из Саратова, насколько я помню?

– Так точно, – ответил Мельников, отметив про себя, что особист навел о нем справки. Расспрашивал. Потому что, понятно, личных дел в отрядах не имелось. Впрочем, у него работа такая.

– Вот в чем дело. Бойцы отряда «За победу» были в разведке. Жители одной деревни сказали, что у них человек прячется. Сбежал из плена и ищет партизан. Сейчас этот человек у нас. И есть некоторые сомнения... Сами понимаете, вы в лесу не первый день...

Мельников понимал. На немецких агентов, пытавшихся разными способами проникнуть в партизанские отряды, он насмотрелся. Лезли под всеми личинами. И чем это может закончиться, тоже понимал. В прошлом году, как рассказывали, один отряд во время перехода напоролся на засаду, в которой погибла почти половина бойцов. Явно, там их кто-то выдал. И предателя так и не нашли.

– Так вот, этот человек говорит, что он из Саратова. Хочется проверить его по этой линии. Я в вашем городе не был. К тому же Михайлов сказал мне, что вы очень хорошо умеете «разговаривать» пленных. Лучше всех в вашем отряде. Послушайте его ответы. Если услышите что-нибудь, за что можно зацепиться, вмешайтесь. Вы ж земляки. Сумеете изобразить радость?

– Да уж наверное.

– Да уж... Если вы, как мне рассказывали, сержанта фельджандармерии вполне убедительно изображали... В общем, услышите что-то интересное – дайте мне знак. Вот так рукой сделайте... Или сами что-нибудь придумайте. Вы, говорят, человек сообразительный. Но только впрямую во вранье его уличайте, только когда я вам скажу. Сейчас садитесь в угол. Вот вам блокнот и карандаш. Делайте вид, что записываете.

Вскоре привели беглого пленного. Это был человек с узким лицом, заросшим длинной темной щетиной. Одет он был в какие-то отрепья, в которых с трудом угадывалась красноармейская форма.

¹² В начале войны, особенно в западных областях, немцы играли в «выборы» местных органов власти.

По крайней мере внешность была вполне подходящая. Именно такими и бывают беглые пленные. А то, случалось, под видом беглых лезли детины с такими раскормленными харями, что невольно возникал вопрос: а что ты, собственно, сбежал, если тебе там так хорошо жилось?

* * *

Начался допрос. Человек назвался Малининым Юрием Антоновичем, 1923 года рождения. По его словам, в сорок первом был отправлен на фронт, попал в плен, сидел в лагере под Барановичами. Месяц назад удалось бежать, скитался по лесам, искал партизан, пока его не спрятали в деревне. Особист задал еще ряд вопросов: где воевал, номер части, фамилия командира армии, где и как попал в плен... Сергей уже кое-что повидал в этой жизни и догадывался, что все эти вопросы задаются для вида. Мельников изображал каракули в блокноте и ожидал, когда начнется то, ради чего его пригласили.

Но вот Сухих перешел к главной теме.

– Итак, вы жили в Саратове. А на какой улице?

– На Пристанской.

Вот это было в самом деле интересно. И Мельников решил вмешаться.

– Земляк! – заорал он. – На Пристанской! А где?

Сергей заметил, что человек несколько напрягся, но тут же ответил:

– Возле Мясницкой.

– Скажи пожалуйста, – лицо Мельникова выражало исключительную радость. – На Мясницкой! А ты в какой школе учился?

– Я в центре учился. В третьей школе.

Малинин волновался все больше.

– А Ли Пына помнишь? Ну, такого толстого китайца, который в магазине работал?

– А как же, помню. И женат был на тете Зине?

Мельников сделал нужный знак.

– А что там с этим Ли Пыном? – спросил Сухих. – Расскажите, товарищ Мельников.

Сергей незаметным движением открыл кобуру.

– Дело в том, товарищ старший лейтенант, что Ли Пын – он совсем не толстый, и не работал в магазине. И был холостяком. Его все в округе знали. Он на Гражданской войне получил орден Красного Знамени. Такой, с бантом. Таких мало было, и вся округа орденосца, да еще китайца, отлично знала. Тем более что Ли Пын постоянно в школах выступал, рассказывал, как бил белых... А еще он воздушных змеев делал. Красивых таких. И всех пацанов этому учил. Молодой парень, который там жил, не мог его не знать.

– Так с каким заданием вас послали? – жестко спросил Сухих.

– Какое задание? Я бежал из плена...

Тут снова вступил Мельников.

– Товарищ старший лейтенант, да можно я с ним поговорю? – Мельников усмехнулся очень нехорошо – примерно как череп на трансформаторной будке. – Мы у немцев многому научились. В том числе – и как в гестапо допрашивают, знаем. Можем продемонстрировать.

– Я все скажу... – заторопился Малинин.

– Так давайте, рассказывайте.

– Мне идти? – спросил Сергей.

– Да посидите. А то вдруг он меня прикончить решит. Обидно будет.

Беглец из лагеря оказался совсем не Малининым, а Толстиковым Ильей Павловичем. Жителем Минска. На фронт он попасть попросту не успел: немцы пришли раньше. Форму надеть, правда, успел. Вот и угодил в лагерь военнопленных. А дальше – дорожка известная. Предложение сотрудничать, полицейская школа, работа в полицейском управлении. Где товарищ

на пару со своим начальником попался на взятках. Вот и сделали ему предложение, от которого невозможно отказаться. Пошел товарищ Толстиков в другую школу, – организованную ГФП¹³. А потом получил задание внедриться в партизанский отряд.

– В любой?

– Точных указаний не было, но в ГФП знали, что с востока подходит крупное партизанское соединение...

* * *

В баню вошел партизан:

– Товарищ Сухих, Макаров явился.

– Отлично. Возьмите вот этого, посадите в погреб и глаз с него не спускайте! И позовите Макарова.

Когда «беглого» вывели, особист покачал головой.

– Да, товарищ Мельников, правду говорят про ваш своеобразный нрав. Но, честно говоря, вы все проделали очень правильно. У вас врожденный талант оперативника.

– Это просто повезло, – проявил скромность Сергей. – У меня на Пристанской улице дружок по секции бокса жил, я часто у него бывал и всех там знаю. Впрочем, я этого типа все равно поймал бы на вранье. Я ж заметил, как он заволновался, когда узнал, что встретил «земляка».

– Не сомневаюсь. Теперь я понимаю, почему именно вам пленные признавались. Честно говоря, я вас специально заранее вызвал. Поглядеть хотел. Потому что дело предстоит такое, что там не только смелость, но и мозги требуются. Кстати, откуда вы так хорошо знаете немецкий?

Теперь особист с добродушным видом допрашивал уже Сергея.

– В Саратове много немцев жило. Один со мной в классе учился и в соседнем доме жил. Он проболел, математику запустил – а ведь собирался в Москве в институт поступать. А я в этой математике хорошо разбирался. Вот его родители меня и попросили ему помочь. Даже деньги предлагали. Но я говорю: я его математике буду учить, а вы меня – немецкому. И как-то у меня очень быстро пошло. Наш учитель очень удивлялся, потому что скоро я лучше его говорил. А потом уж в тылу отшлифовал – произношение, всякие там ихние солдатские словечки и все такое прочее.

– Но вы и по-белорусски говорите?

– Так это ж просто почти как русский язык... Еще по-украински могу. Был у нас в соединении один студент, его потом ранили и отправили на Большую землю... Так он говорил – лингвистический талант. Может, и так. Кто-то поет хорошо, кто-то рисует, а я языки быстро учу.

Сухих вздохнул с некоторой завистью. Он мог читать по-немецки, но говорил с трудом. И это-то далось ему с большими усилиями.

– Разрешите, товарищ старший лейтенант? – в баню вошел Макаров.

– Садись. Значит, так, товарищи разведчики. Дело образовалось очень неприятное. Разведка из отряда Лавриновича сообщила, что снова появился отряд, о котором докладывали вы, товарищ Мельников. Появились они в Лосках, это примерно тридцать пять километров отсюда. Явились, расстреляли десять человек. Якобы за сотрудничество с немцами.

– А гарнизон? – спросил Мельников.

¹³ ГФП – тайная полевая полиция, которую иногда называли «гестапо вермахта». Являлась частью абвера. Выполняла в армии те же функции, что и гестапо. Именно ГФП координировала борьбу с партизанами на оккупированной территории СССР.

– А из гарнизона в двадцать полицейских в селе на момент прихода отряда было только пять человек. И те, завидев этих партизан, очень быстро убежали. Но дело не в том. А в том, кого расстреливали... Немцы жителей гоняли на ремонт моста. Вот их и убили. Дескать, вы на немцев работали.

– Совсем идиоты, что ли? – не выдержал Макаров.

– Больше похоже на провокаторов, – отозвался Мельников. – Ходили слухи, что есть у немцев такие отряды. Ходят, творят всякие пакости, чтобы дискредитировать партизан. А мы ведь тут люди новые. Так что это может нам очень навредить. Так вот. Ваша задача – этот отряд выследить. По возможности – разобраться, кто они такие и кто за ними стоит. Это могут быть не только немцы. Это могут быть националисты.

– Белорусские националисты? – с сомнением протянул Мельников.

– Есть и такие. Меня в Москве инструктировали. Это немецкая агентура. Но могут быть и польские. Не забывайте, что тут до тридцать девятого года хозяйничали поляки. В Западной Украине были случаи столкновения наших партизан с такими отрядами. Отправляйтесь как можно быстрее.

– Только приоденусь, и можно двигать, – подмигнул Макаров.

Откуда-то из угла старшина извлек рюкзак не русского и не немецкого образца. Вскоре он облачился в комбинезон блекло-зеленого цвета с мелкими темно-зелеными пятнами.

– Это, конечно, не твоя пятнистая шкура, но тоже сойдет. Товарищ старший лейтенант, а как начет сухого пайка? Получаем – и мы готовы...

* * *

– Так... попробуем определить, где мы сейчас находимся... – Мельников извлек карту. Старшина тоже хотел присоединиться, но глянув, разочарованно хмыкнул. Карта была на немецком языке.

– Не по-нашему...

– Хоть такая. В сорок первом у нас вообще никаких карт не было. Шатались по лесам по принципу «язык до Минска доведет». А в лесах и болотах он может довести совсем не туда, куда надо... Потом достали одну. Примерно такую же... подробную, как глобус. Радовались до неба. Ладно, давай о деле. Насколько я понимаю, мы находимся вот на этой просеке. Черт, сколько времени потеряли в том болоте! И с курса сбились... Ладно, потряхали.

Разведчики шли уже четвертый час. Местность была разная – то высокий сосновый лес, то болота. Вот и сейчас они шлепали по сильно хлюпающей местности. Хорошо хоть, что тут не попадалось знаменитых белорусских трясин...

Всю дорогу Мельников приглядывался к своему напарнику. К удивлению Сергея, старшина шел очень хорошо – практически бесшумно, цепко оглядывая по дороге местность, останавливаясь время от времени, чтобы прислушаться. Так умеют ходить по лесу либо профессиональные охотники, либо люди, имеющие большой опыт лесной войны. Обучить этому невозможно. Нужна долгая практика.

Протопав еще километр по болоту, разведчики вышли на сухое место. Между тем уже смеркалось.

– Кажется, пора тормозить. Тем более что выходим в район сосредоточения врага. А его в незнакомой местности сподручнее искать днем.

Они выбрали небольшой ельник, в котором и обосновались. Григорий достал из рюкзака консервную банку, потом отрезал финкой два больших куска хлеба; перед тем, как вскрыть консервы, оглядел их этикетку.

– Немецкие. От фрицев питаемся.

– Привыкай. Нам, разведчикам, и положено за их счет питаться.

После быстрого ужина Мельников достал флягу. Тоже, кстати, немецкую.

– Поскольку нам без огня ночевать, давай погреемся изнутри.

– Что это? – спросил старшина, принявшись к горлышку.

– Коньяк. Два дня назад я был в разведке – там, за Неманом. На дороге легковая машина стояла... Шофер в моторе ковырялся. Меня такая наглость просто возмутила. Чтобы фашистский офицер катался с одним только шофером по нашим дорогам? Непорядок. Пришлось его исправить. Вот, у офицера в багаже обнаружил.

После хорошего глотка Сергей достал пачку сигарет.

– Будешь? Это офицерские, не солдатский эрзац.

– Не, я не курю.

Сергей посмотрел на него с некоторым недоумением. В последнее время он крайне редко встречал некурящих мужчин. На войне их куда меньше, чем в мирной жизни.

– Здоровье бережешь?

– При нашей работе здоровье беречь – пустое дело. Но мне еще на срочной службе командир объяснил: запах табака опытный человек чувствует за сотню метров. А у курильщика, наоборот, нюх притупляется. А в лесу и носом надо работать.

Мельников посмотрел на товарища с уважением.

– Слушай, а если не секрет, это где ж ты таких знаний набрался?

– Секрета нет. Я осенью сорокового из института пошел на службу. Был набор добровольцев в пограничники. Я и пошел. Романтика. Да и понятно ведь было, что война все равно начнется. Послали меня в Северную Карелию. Это севернее Ленинграда.

– За Ладожское озеро? Где Финская война была?

– Нет, еще дальше. На границу с Финляндией. Там, как и в Белоруссии, сплошь леса и болота. Только куда большая глухомань. Населения почти совсем нет. Словом, Север дикий. Ну вот, служил я себе, охранял границу. Нас очень серьезно учили воевать в лесу. Все понимали, что финны не успокоятся – и снова полезут, как только настанет удобный момент. У нас из начальства были люди с опытом Финской войны. Они сделали кое-какие выводы. А потом война началась. Но у нас там она шла... не так, как в других местах. Финны нас километров на сто пятьдесят отгнали, да и уперлись рогом. Так и стояли – ни туда ни сюда. Да у нас и фронта-то сплошного не было! По тамошней тайге хрен понаступаешь. Части стояли на дорогах, а в тайге – только редкие заслоны. И у нас, и у финнов. Так народ там в основном балдел от безделья. Мы, правда, интересно развлекались. Наша разведгруппа шла в их тыл и наводила там по мере сил шум и гам. Их группа – в наш... Мы с финскими егерями – это у них такие специальные солдаты, обученные в лесу воевать, – играли в прятки. Правила простые. Проигравший получал пулю из засады. Я свое тоже получил. Легко, правда, ранили. Но из госпиталя меня выдернули, да и отправили в Москву. А потом уж сюда. И правильно. Пора и серьезным делом заняться. Нас вообще-то двое должно было лететь со старшим лейтенантом. Вроде как его личные бойцы для особых заданий. Но у второго, Андрюхи... Даже не смешно. Ты представляешь: в последний момент аппендицит разыгрался! И загремел парень в больницу. Это на войне-то...

– Хорошо, что перед вылетом. А случись в лесу, было б хуже. Партизанская хирургия, она, знаешь... Своеобразная. А так, может, как вылечится, еще куда-нибудь полетит. Слушай, а эти егеря – они какие бойцы?

– Серьезные ребята, я тебе скажу. В лесу себя чувствуют как дома. Да и то сказать – их Финляндия-то в ста пятидесяти верстах от линии фронта. Там точно такой же лес. Приходилось соответствовать, чтобы живым остаться. Я ж как тебя увидел, почему сразу за автомат схватился? Ты ведь выглядишь один в один как те финские егеря. Даже кепки у тебя с ними похожие. Я-то привык – если такого увидишь, то думать некогда, надо сразу стрелять, а то

поздно будет. Так что мне, конечно, у партизан многому надо учиться, но и вас я кое-чему могу научить.

– Это точно, немцы-то в лесах слабоваты. Не любят они леса. А уж в болотах – и подавно...

Теперь стало понятно, почему в погоню за этим чертовым отрядом особист послал именно их. В самом деле, всю дорогу Сергея мучила мысль – а как их искать-то? С чего начинать? За годы войны он научился многому – но вот охотиться в лесу за партизанским отрядом ему не приходилось. С немцами все проще. Они в лесу оставляют следы, как стадо коров. А у напарника, получается, был опыт в таких делах.

– Слышь, Серега, а ты как в партизаны попал? Я понял, ты вроде в армии не служил. И не из местных. В смысле – не с оккупированной территории.

– Возрастом еще не вышел. А попал так. Летом сорок первого поехали мы с матерью к отцовским друзьям в Белоруссию. А там война. Ну, дела известные, как это было в Белоруссии: армия бежит, гражданские бегут... Все вперемешку, никто ничего не знает и не понимает... Тебе повезло, что ты этого не видел. Наш поезд наварлся сначала на бомбежку. А потом немецкие танки откуда-то появились. Куражились, падлы, ездили, давили людей, стреляли направо и налево. Мать убило. А я от танков хорошо побегал, схоронился в кустах. А потом поплелся по пустой дороге. Дорога, я тебе скажу... По ней наши отступали. А если честно – то драпали. Всюду брошенная техника, всякое снаряжение. И тут вылезают откуда-то два пьяных фрица. Обычные мародеры. В начале войны их было много – тех, кто шатался по окрестностям и ташил, что мог. Тогда они ничего не боялись. Это потом остерегаться стали. Стали они куражиться. «Ты комсомолец? Мы тебя сейчас паф-паф». Я теперь-то на фрицев поглядел... Не думаю, что они и в самом деле хотели меня убить. Веселились, победители-арийцы... И тут вдруг меня взяла такая злость... В общем, не стало этих фрицев.

– Ты... Один двоих солдат? – недоверчиво спросил Макаров.

– Аганбеков тоже сначала не верил. Но так вышло. Они ж пьяные были, меня не боялись ни капли. Винтовки держали чуть не подмышкой. А я ведь боксер-перворазрядник. И в школе снайперов¹⁴ занимался. И еще кое-чему меня учили... жил у нас во дворе дядя Саша. Он воевал в Гражданскую, причем непонятно за кого – то ли за батьку Махно, за «зеленых»... К красным он примкнул, когда уже всем стало ясно, чья берет. Ротным служил на КВЖД¹⁵. И принес из Китая очень странные приемчики рукопашного боя... Там не только руками, но и ногами можно драться... Охотно обучал соседских пацанов. Я Аганбекову показал, так он тогда мне поверил.

– Хорошие, видать, приемчики. Мне потом покажешь?

– Почему б не показать?

– А дальше что было?

– А что? Я как автомат действовал. Слышал я рассказы соседа про то, как он в восемнадцатом на Украине с немцами воевал. И вот как по инструкции... Взял я винтовку, патроны, жратву у них вынул из ранцев, там еще коньяк был. Наш, награбленный. Даже сапоги догадался с одного снять. Я-то был в городских ботиночках... И пошел. Сначала просто тупо шел. Сам знаешь, первого человека убить – не так просто. А потом хлебнул коньяка. Первый раз в жизни пил спиртное. И вдруг – вроде как все в мозгах прояснилось. Решил – буду немцев убивать, сколько встречу. Погиб бы, наверное, без ума-то... Да хорошо – встретил Аганбекова. Он пробивался от самой границы. С ним были пограничники, ну и по дороге солдаты прибились. А Аганбеков – он такой... Если б он один из всей нашей армии остался – все равно воевал бы.

¹⁴ До войны в СССР существовали многочисленные курсы, на которых все желающие могли научиться обращению с боевым оружием.

¹⁵ Китайская восточная железная дорога. Проходила на Дальний Восток по территории Китая. С КВЖД связан ряд эпизодов Гражданской войны.

Мы-то в то время разных видали. Знаешь, многие свои кубари, шпалы и звезды¹⁶ спарывали. Другие просто голову теряли. А Аганбеков – тот четко говорил: пока мы живы, будем воевать. Вот и стали партизанить. Тогда партизан было мало, руководства никакого. Каждый воевал, как умеет. Патронов не было, одежды не было... Шатались по лесам, били немцев, как могли. В соединение мы уже к зиме добрались. Тогда нас было уже человек пятьдесят. С тех пор и воюем... Кстати, начал я воевать совсем недалеко отсюда. Только южнее.

– Да уж, по-разному война нас крутит. Ладно, давай я первый буду на часах...

23 апреля, лес юго-восточнее партизанской базы

С рассветом разведчики двинулись дальше. Их целью была та самая деревня, в которой учинил расправу непонятный отряд. С чего начинать? Попытаться поискать там какие-то следы? Но все сложилось по-другому. Через час после выхода Макаров, который шел впереди, вдруг замер и поднял руку.

По лесу кто-то шел. Это был один человек, и двигался он, не слишком заботясь о скрытности, – то и дело под ногами хрустели ветки. Путь его лежал немного левее.

И тут Сергей по-настоящему оценил своего товарища. Макаров знаком показал Мельникову перерезать незнакомцу путь, а сам двинулся с таким расчетом, чтобы зайти ему в спину. Вскоре он оказался за стволом сосны прямо по курсу идущего человека.

– Стоять! Руки в гору! – послышался голос Макарова. – Винтовку на землю, два шага в сторону!

Мельников выскочил из-за сосны с автоматом наперевес и увидел человека в каком-то одеянии, напоминающем короткое пальто, в городских брюках, заправленных в кирзовые сапоги. Он как раз занимался тем, что снимал с плеча винтовку и клал ее на землю. Делая положенные два шага, он окинул быстрым взглядом Сергея и застыл с поднятыми руками.

– Ша! Уже никто никуда не идет. А вы кто? Шумы?¹⁷

– Это мы будем спрашивать, а ты будешь отвечать, – резко сказал Мельников.

Тем временем Макаров встал у незнакомца за спиной. Тот бросил взгляд на старшину, и, видимо, заметил красную звездочку на пилотке.

– А... Вы не шумы, а совсем наоборот. Тогда, может, и не расстреляете. А то я уж совсем расстроился. Зовут меня Сеня Одесский. А шел я к вам. Кто вы там – партизаны или парашютисты... В округе про вас разное говорят.

Незнакомец ухмыльнулся – во рту у него блеснула металлическая «фикса».

– Ты что, блатной, что ли? – спросил Сергей, увидев в этом типе нечто знакомое еще по дворовой юности. С блатными он не общался, но приклатненных видеть приходилось.

– Я вор. «Законник»¹⁸, – с достоинством ответил Сеня. – А шел я к вам, чтобы предупредить кое о чем. А вы, кстати, не Чигиря с его ребятами ищите?

– Кто такой Чигирь? Мы тут недавно, еще не со всеми местными знаменитостями познакомились.

– А это тот, чья кодла тут бегают по окрестностям с красными лентами и беспредел разводит.

– Это они людей в деревне позавчера расстреляли?

¹⁶ Звезды на рукаве носили политработники. Согласно немецкому «Приказу о комиссарах» они, будучи захваченными в плен, подлежали расстрелу на месте.

¹⁷ Шумы (шущманшафт). Вооруженные формирования, которые немцы создавали из граждан СССР, чаще всего из военнопленных. Использовались немцами для борьбы с партизанами и для карательных операций. Руководили отрядами немцы. Шумы были более надежны и боеспособны, чем вспомогательная полиция («полицай»).

¹⁸ До войны понятие «законник» означало «правильный вор».

– С Чигиря станется. Я-то про эту деревню не слыхал. Я-то думал, он к вам с дружкой станет набиваться. Дескать, он красный партизан и тоже бьет немцев. Так вот я и шел, чтобы вашим сказать: ссучился Чигирь. Фрицам проданся.

– Давай-ка по порядку. Кто ты такой? Откуда его знаешь? Кто он такой?

– Почему бы не рассказать? Рассказать можно. Только покурить дайте. Три дня не курил. Мельников кинул ему пачку сигарет. Вор затаился и начал.

– Дело, значит, такое. Я, как уже сказал, вор. А Чигирь... Он вроде как прибалтанный. Когда война началась, мы в Барановичах в одной хате у кума сидели. Пытались нас вывезти, но тут бомбежка, все дела... Охрана эшелона разбежалась, ну и мы, не будь дураки, следом за ними двинули. Подались, значит, в леса. Сначала нас человек пять было, потом пристал кое-кто из солдат, что по лесам бродили. Чигирь-то – он местный, из-под Барановичей. Вот мы кое-какое оружие и нашли. Его тогда валялось по лесам много. Стали в окрестностях промышлять.

– Партизанили, что ли? – усмехнулся Мельников.

– Зачем мне к чужим делам примазываться? Я вам все честно прогоняю. Вот вы, может, партизаны. Дело ваше. А мы – так. Жили себе. Бывало, конечно, и пощипывали полицаев, когда они обозы со жратвой двигали. Но там подвигов-то никаких. Пару раз из кустов пальнешь – они все и разбегаются.

– А где ж зимовали? – недоверчиво спросил Мельников. Таких вот банд – их и называли «зеленщиками» – в сорок первом было полно. Но это летом можно в лесу сидеть. А зимой все сложнее.

– Ха, да мало мест, что ли? Там, за Барановичами, такие дебри... есть деревни, куда ни немцы, ни полицаи ни разу не совались. Мы по справедливости жили. По воровскому закону: где едим, не гадим. Местных не трогали – наоборот, делились кое-чем, что удавалось добыть. Ну и вроде как охраняли. Да и бабы там одинокие... Все нормально, все были довольны. А этой весной сюда, в эти места переползли. И вот случилось такое, грохнули мы один обоз с солью. Соль-то, сами знаете... сейчас почище рыжевья будет. Кое-что сменяли на самогон – и перепились, как дураки. А нас шумы и накрыли. Видать, обидно им стало за соль. Я успел уйти, а их всех кого убили, а большинство повязали. Достоверно знаю: их отправили в Слоним, в гестапо или куда-то вроде этого. А через две недели – глянь – Чигирь снова гуляет. Вот и прикиньте. Что, фрицы такие добрые, чтобы людей, которых они с оружием в руках взяли, на волю выпускать? Да они, если один патрон найдут в хате, – всю семью вешают! И то сказать. Мы до этого беспредел не творили, да и красные ленты никогда не носили. Наше дело – сторона. Вот такие дела.

– Где может быть Чигирь, знаешь?

– Догадываюсь. Тут километрах в двух стоит пустой дом возле болота. Откуда я шел, пройдете метров двести, увидите – туда ведет просека. Я сам там укрывался. Да вот с утра увидел, что Чигирь с кошкой идет... насилу смылся.

– А что же от дружки бегаешь?

– Был он мне дружок. Но я так рассудил: если к нему попаду, то мне либо с ним, либо на тот свет. А с ним мне не по пути.

– Что ж так? Сознательность проснулась?

– С сознательностью у меня не очень. Но я Сеня Одесский! Не поняли? Натанзон моя фамилия. Так что с вами мне не по пути, но уж с фрицами – тем более. Чтобы они, как только у кого-нибудь из их бугров в мозгах что-нибудь переклинит, меня тут же к стенке или в Березу? Не слыхали про Березу? Лагерь там был еврейский. Да только больше нет лагеря. И тех евреев тоже нет.

– Что с ним делать будем? – спросил Макаров.

– Пусть проваливается. Только без винтовки. На всякий случай.

– А он нас не заложит?

Сеня засмеялся.

– Парень, ты сам подумай. Зачем бы я тебе тогда это все стал рассказывать? Да я б тебе такой туфты мог бы нагнуть... А твой кореш правильно говорит. Пойду я лучше.

Сеня повернулся и пошел. Пройдя несколько шагов, остановился.

– И еще одну вещь я вам скажу. В Козловичне староста – ваш. Или сочувствует.

– Откуда знаешь?

– Когда Чигиря взяли, я там скрывался. Под видом бежавшего из плена. Он знал, что я в деревне. И не сдал. А ведь в Козловичне пятьдесят полицаев стоят. Причем хохлы. Это самые звери. А живет староста – третий дом от мельницы, наличники на окнах зеленые. Да на нем и табличка висит, дескать, тут бугор обитает. Зовут старосту Юрий Еременко. Ну, прощайте.

Разведчики смотрели, как Сеня скрывается среди деревьев.

– Может, зря мы его отпустили? – задумчиво спросил Макаров.

– Может, зря. А может, и нет. Кто его знает, как все повернется. Мы ведь разных людей в лесах видали. С этими-то все ясно. Но вот бывало, встречаешь какой-нибудь отряд. Вроде бы партизаны. Вроде бы даже по фрицам стреляли. Иногда. Но с нами никак общаться не хотели. Дескать, мы сами по себе. Но если он нам про этого Чигиря не соврал – какая-то польза уже от него есть.

Глава 3

Атака втемную

23 апреля, деревня Козловична

Сумерки застали разведчиков в кустах возле деревни. За день они успели сделать много. В частности, наведались к домику лесника. Там и в самом деле базировалась эта самая банда – человек двадцать разнообразно одетых и вооруженных, весьма расхристанных субъектов. С красными лентами у них и в самом деле все было хорошо. Вообще-то у настоящих партизан с этим делом было по-разному. В некоторых отрядах красная лента на шапке была чем-то вроде формы, а в других их вообще не носили. Но тут было все как-то очень уж демонстративно. На шапках – лента, на груди – лента. Чтобы уж точно не перепутать. Бандиты бесцельно шатались вокруг дома. Внаглую дымил костер, на котором что-то готовили.

Но при всем этом порядка у Чигиря было больше, чем можно было бы предположить, столкнувшись со сборищем «зеленых» уголовников. Часовые имелись – и несли они службу довольно исправно. Обычно же «зеленые» не считали нужным и часовых выставлять... Впрочем, разгадка быстро нашлась. Наблюдая в бинокль за лагерем, Григорий приметил среди расхлябанных бандитов двух людей с явно военной выправкой, хоть и в гражданской, но очень аккуратной одежде. Понятно. Немцы не отпустили банду в белый свет, а приставили своих людей. И это бы все ничего. Но старшина подполз поближе и из обрывков разговоров – благо бандиты почему-то переговаривались во все горло – понял, что наутро отряд собирался сниматься. Вот это было совсем худо. До базы отсюда было около сорока километров. То есть пока они дошли бы, пока вернулись бы с подмогой... Ищи ветра в поле.

– Какая разница! Устроим засаду. Рано или поздно они вернуться, – предположил Макаров.

– Может, вернуться, а может, и нет. К тому же сколько они еще гадостей наделают!

– А что делать будем?

– Черт его знает. Слушай, мы все равно ничего не теряем. Уж разведывать местность – так до конца. Надо нанести визит этому старосте в Козловичну. Тут километров семь. Если он и в самом деле нам сочувствует, будет у нас помощник.

* * *

С темнотой партизаны без проблем достигли деревни и прокрались по задкам к нужному дому. Мельников осторожно заглянул в окно. Он увидел мужчину, сидящего за столом и пишущего что-то на листе бумаги. Больше никого в хате не было.

Без лишнего шума разведчики вошли. Хозяин поднял голову.

– Вы Юрий Еременко? Староста?

– Я... А вы кто?

– Да вот, поговорить зашли.

Макаров откинул капюшон своего комбинезона – и стала видна пилотка со звездой.

Еремин выдавил улыбку.

– Расстреливать меня пришли?

– Пока не собираемся, – хмыкнул Мельников. – А поговорить нужно. Мы разведчики партизанского соединения имени Котовского. Может, уже дошли до вас слухи о нашем приходе? Нам про вас рассказал один человек, который тут скрывался. Он говорит, вы знали, что он скрывается в деревне, – и не выдали.

– Да, знал. И следил, чтобы полиция его не нашли.

– Почему?

– А что ж мне его было, немцам выдавать?

– Почему нет, раз у вас такая работа?

– А если я скажу, что не люблю немцев?

– Почему тогда им служите?

– Меня попросили местные жители. Я работал до войны землемером. Когда пришли немцы, они меня продвинули в старосты.

– Почему именно вас?

– Были у меня нелады с советской властью. Колхозы мне не нравились. Посадить не посадили, но в НКВД потаскали.

– А теперь?

– Что теперь? Немцы-то обещали колхозы распустить, а не распустили. Обещали раздать обратно землю – не раздали. Но разве в колхозах дело? Я ведь думал как? Буду по мере сил защищать своих деревенских от немецкого произвола. Хоть что-нибудь, да сделаю. Но только понятно, что ничего из этого не вышло, да и выйти не могло. У немцев ведь отлаженная система грабежа! От нас-то, своих помощников, они особо и не скрывают, что чем больше умрет белорусов, тем им будет лучше. То есть немцы – господа, белорусы – рабы, а мы – кто-то вроде надсмотрщиков. А что делать? Уйти – так у немцев по собственному желанию увольняются лишь на небеса. Да и не по собственному. В Лушнево староста запивал, срывал им их хозяйственные мероприятия – его немцы и расстреляли. В партизаны? Кто ж мне поверит. Да и не было тут партизан. То есть были какие-то отряды в сорок первом – так они таких, как я, расстреливали, не задавая никаких вопросов. («Мы б тебя в сорок первом встретили, тоже бы расстреляли», – подумал про себя Сергей.) Так что теперь я жду – то ли партизаны поставят меня к стенке, то ли немцы.

– А что так?

– У них мода пошла в последнее время – расстреливать старост. По поводу и без повода. Для острастки, наверное.

– Как говорит наш доктор, тяжелый случай, – покачал головой Мельников. – Но выход есть из любого положения. Помогать партизанам хотите? Сейчас мы не такие злые, мы прощаем людей, которые одумались. Даже полицаев иногда.

– Пожалуй, а то и в самом деле уже совсем тошно. А что делать?

– Для начала... Что вы знаете о банде Чигиря?

– Эти якобы красные партизаны? Да это ж бандиты! А теперь еще и немецкие агенты.

– Вот как! Выходит, все об этом знают, – хмыкнул Макаров.

– Не все. Но я по должности обязан знать. Мне доставили секретное письмо. Деревня большая. И полицаи у меня – украинцы. Националисты. Они для немцев надежнее местных. Наши-то, местные, по своей воле в бой не полезут, если их немцы не погонят. У них куража нет. Да и к чему им головы класть? А эти украинцы – дело другое. У них к москалям большая злоба. Они ведь до сих пор всех партизан называют «парашютистами». Дескать, это забрасывают диверсантов из Москвы. Вот меня и предупредили, чтобы я сдуру против Чигиря воевать не полез бы. Мало ли, вдруг узнаю, что они где-нибудь неподалеку, захочу выслужиться перед немцами – и двину своих людей.

И вдруг Мельникова осенила идея.

– А полицаи знают правду про Чигиря? Или, может, догадываются?

– Не думаю. Я слышал их разговоры. Я ж говорю: многие из них – убежденные враги советской власти. Так что «большевистские зверства» они воспринимают как нечто само собой разумеющееся. Только сегодня Прокопенко, их командир, спрашивал меня, почему мы не идем на партизан. Он-то, кроме всего прочего, очень хочет сделать карьеру.

– Ха, видимо, он никогда не видел настоящих партизан, – пробормотал Мельников. – Ага, понял! Мы как раз на партизан и пойдем!

Мельников полез в свой рюкзак и извлек оттуда небольшой сверток. Там оказалась немецкая пилотка, нацистская кокарда, лейтенантские погоны и повязка с надписью «Schutzmannschaft».

– Вот, ношу с собой в разведку на всякий случай. Запас не тяготит, а иногда сильно выручает. Гриша, снимай пилотку, надевай немецкую, цепляй повязку... А я пока погончики прищипандорю.

– На камуфляжных куртках немцы вроде погоны не носят. Так нас в Москве учили, по крайней мере, – усомнился Григорий.

– Да какая разница! Кто тут видел немцев в этих самых камуфляжных куртках? Их же носят всякие разведчики, парашютисты, а не тыловые крысы. Да и кто из полицаев зубрил немецкие уставы? А погоны придают авторитет. Перед офицерами вся эта сволочь очень тянется.

До Еременко постепенно доходило.

– То есть вы хотите...

– Именно это и хотим. Поднимем их по тревоге и бросим на банду. Если все так, как вы говорите, они с радостью ринутся выслуживать милость фрицев. Пусть убивают друг друга. Конечно, после этого вам придется уходить с нами. Готовы на такое?

– Готов. Да и выбора у меня нет. Если я откажусь, вряд ли вы меня оставите в живых.

– Правильно вы все поняли.

– А нас не раскроют? – усомнился старшина.

– Я бывал в деревнях, занятых немцами, – и обманывал фрицев. А ты «шум», а не немец. И вообще твое дело – молчать в тряпочку, пока господин офицер говорит.

– Ну, Серега! Мне уже сообщили, что ты псих. Но я так скажу: если ты и псих, то псих гениальный! – заключил старшина.

* * *

Полицаи располагались в здании школы. Довольно быстро их удалось поднять и выстроить во дворе. Мельников с надменным видом прохаживался перед строем. Его массивная фигура вкупе с необычной формой производила впечатление. Для усиления эффекта он про-
рявлял несколько многосложных немецких ругательств. Вот ЭТО полицаи обычно понимали великолепно. Макаров стоял в стороне и не отвечивал.

Сергей насмотрелся на немецких приспешников всех родов и видов. И вполне оценил тех, кого видел перед собой. Это был не собранный с бору по сосенке расхристаный полицейский сброд, а люди посерьезнее. Вооружение у них было, правда, так себе. Все с чешскими и русскими винтовками и с одним чешским же ручным пулеметом¹⁹. Резко повернувшись к строю, Сергей начал речь, корявя слова на немецкий лад.

– Доблестные украинские полицейай! Наши войска сейчас уничтожайт там, – Мельников показал на север, – большой отряд большевистских бандитов. Но вам тоже есть работа. Наша разведка есть обнаружить другой лагерь бандитов. Я имею приказ их уничтожайт! Их мало. Вы сумеете их убить. Вы все получить награды. Но кто будет трус – тому я прав делайт расстрел.

– Не извольте беспокоиться, господин офицер, – доложил Прокопенко, здоровенный мужик с лицом, не отягощенным интеллектом, преданно глядевший на «немца». – Мои хлопцы не подведут.

– Зер гут. Да! Пленный брать не надо! Мне нужен мертвый большевик!

¹⁹ Для вооружения тыловых и вспомогательных частей немцы часто использовали трофейное оружие.

* * *

Вышли с таким расчетом, чтобы подойти к месту на рассвете. Подошли верно. В серой предумеречной мгле виднелись постройки – большой дом и какой-то сарай рядом.

– Так, вы, Еременко, не лезьте в драку. Как мы двинемся, отходите на безопасное расстояние по этой просеке. Ждите нас там.

Полиции рассредоточились по опушке. До дома было всего метров пятьдесят. Так, а где часовой? Обнаружился и он. Парень болтался вдоль дома, не особо оглядываясь вокруг, поглощенный усиленной борьбой со сном. С него и начнем. Мельников жестом подозвал одного полиция и взял у него мосинскую винтовку. Тщательно прицелился... Бахнул выстрел – и часовой, как мешок, рухнул на землю.

– Вперед! – заорал Мельников и бросился в атаку. Полиция нестройной толпой повалили следом. Кто-то выскочил из сарая – но Макаров врезал по нему из автомата. Второго выскочившего сняли полиция из «ручника». Из дома тоже стали выскакивать люди. Но к этому времени атакующие подошли почти вплотную. Из дверей дома выскочил еще один. В предрасветных сумерках он сумел разглядеть белеющие на руках полицейских повязки и силуэт Мельникова в немецком кепи.

– Нихт шисн! Не стреляйте! – заорал он, но Мельников тут же свалил его из автомата. Звякнуло окно дома – из него раздались автоматные очереди. Два или три полиция упали. Начали палить и из другого окна. Мельников прижался к стене дома и кинул в окно гранату. Потом еще одну. Внутри бахнуло, послышались вопли... Кто-то стал стрелять из-за угла сарая, положив еще пару полицейских, но успокоили и этого.

– Бей краснопузых! – заорал Прокопенко и ринулся к двери, но тут же споткнулся и шлепнулся лицом вниз. Судя по тому, как он падал, стреляли сзади. Небось Макаров поставился. Но другие полиция уже ворвались внутрь дома. Оттуда донеслась отчаянная пальба. В сарае, кажется, уже закончили.

Мельников нашел Григория.

– Сваливай! Пора!

– А ты?

– Надо убедиться, что дело сделано чисто. Не бойсь.

– Я буду на опушке. В случае чего прикрою.

Занявшийся рассвет осветил картину побоища. Все члены банды были мертвы. Пленных, как было приказано, полиция не брали, раненых добились. Нападавшие понесли небольшие потери – пять человек убитых и восемь раненых. Это было обидно, но ладно.

– Обыскать дом и этот... Сарай! Весь вещь есть ваш трофей! – объявил Мельников.

Расчет был правильный. Бандиты Чигиря – они и остались бандитами, пусть и перешли на службу к немцам. Судя по шуму, доносившемуся из дома, полиция с увлечением стали разбирать добычу. Несколько человек болталось на улице, но они не обращали никакого внимания на своего «немецкого» командира. Сергей неспешной походкой двинулся к опушке. Теперь главное, чтобы ни у кого из полицейских не возник вопрос – а куда это двинул герр офицер? Но ничего не происходило. Видимо, все полагали, что немцу виднее. Ну, вот и опушка. Рядом показался Макаров.

– А вот теперь можно и побегать.

Разведчики дернули по лесу как лоси. Вскоре они вышли на просеку. Примерно в километре их поджидал Еременко.

– Ну, как?

– Задание выполнено. Банда уничтожена, Прокопенко тоже уже Богу отчет дает. Это ты его, Гриша?

– Я. Не удержался.

– Вот за это вам спасибо. Он был такой сволочью, – скривился бывший староста.

– Хотел бы я поглядеть на рожи этих полицаев, когда они обнаружат, что весь командный состав испарился, – жизнерадостно сообщил Макаров.

– Я думаю, это будет нескоро. Когда я уходил, они уже обнаружили самогон. Так что некоторое время эти ребята будут только рады, что начальство не беспокоит их своими дурацкими приказами. Но похмелье будет жестоким. Кстати, нечего жалеть, что их мало побили в бою. Знающие люди говорили, что в ГФП и гестапо сидят очень подозрительные люди. К истории о невесте откуда взявшемся немецком офицере они вряд ли отнесутся с большим доверием...

* * *

Обратно они продвигались куда быстрее. Еременко был местным, а потому знал лесные тропинки. В середине дня они приблизились к Щаче.

– Тихо! – вдруг остановился Макаров. – Что-то в лесу стало людно, как на Невском.

Мельников прислушался.

– Точно, кто-то идет в сторону реки. Вон там.

– Куда ж он идет! – покачал головой бывший староста. – В этом месте возле реки непроходимая топь. Трясина. Утонуть проще простого.

– Интересно. Значит, не местный. Немец или полицаи в одиночку в лес, а тем более в болото, не полезет. Сеня ушел в другую сторону, да и если он два года болтался по лесам и до сих пор жив, значит, понимает, куда стоит лезть, а куда не стоит. Может, кто с нашего отряда заблудился?

Они двинулись в сторону, откуда раздавались шаги. Следуя указаниям Еременко, взяли левее, где было посуше. Лес кончился, началась поросшая кустами заболоченная пустошь. Вскоре разведчики увидели путешественника по болоту. Точнее, путешественницу.

Это была девушка в советской форме, с винтовкой в руках. По болоту она ходить явно не умела. Опытный человек, если уж у него есть нужда переть через такие гиблые места, хотя бы подберет палку подлиннее да покрепче. Эта же двигалась как в белый свет. Как раз в этот момент она выбиралась из какой-то залитой водой ямы, в которую провалилась по пояс.

– Эй, девица-красавица, ты туда не ходи, утонешь! – заорал Макаров. – Ты лучше к нам иди.

Девушка обернулась, еще крепче сжав винтовку. Но вид солдата в общем-то советского вида (разумеется, товарищи давно уже сняли все немецкие цапки) несколько успокоил.

– Не бойся. Мы партизаны. А вот ты кто?

– Я врач... Ольга... Ольга Маслова. Из десантной группы.

– Сказала бы, дура, вдобавок, что комсомолка и еврейка, – проворчал Мельников. – Чтобы в случае чего точно мимо гестапо не пройти.

– А где ж вся твоя медицина?

– Не знаю... У немцев, наверное.

– Ладно, выбирайся сюда. Только немного правее держи... А то снова искупаешься.

* * *

Вскоре девушка приблизилась к ним. Она была невысокой, плотненькой и скуластой. Даже издали было видно, что Оля изрядно побродила по лесу – одежда забрызгана грязью, а девушку аж пошатывало.

Все выбрались на сухое место.

– Для начала на-ка, глотни. – Мельников протянул девушке фляжку.

Та понюхала.

– Что это за гадость?

– Гадость?! – возмутился Сергей. – Да это французский коньяк. Сам бутылку в вещах немецкого майора нашел. А эти фон-бароны что попало пить не будут.

– Клопами пахнет...

– Слушай! Ты в детстве рыбий жир пила? Пила. Вот это тоже лекарство. Идти еще далеко, а нам тебя на спине тащить лениво. Мы тоже не из кино возвращаемся.

Девушка глотнула, закашлялась, но вскоре спиртное возымело действие. Ее лицо несколько оживилось.

– Ну вот, поешь теперь, – Макаров протянул ей вскрытую консервную банку, достал из-за голенища ложку...

Судя по тому, как Оля набросилась на еду, поголодала она изрядно.

– Давайте мы тоже понемногу за удачу. Юрий...

– Юрий Антонович.

– Давайте, Юрий Антонович, выпьем за то, чтобы это был не последний наш совместный бой с фашистами.

* * *

Тем временем девушка управилась с едой, и Мельников приступил к разговору.

– Ну, врач Оля, рассказывай, какой черт погнал тебя в эту топь. Если б мы не подроспели, ты как эта, которая луч света в темном царстве... бульк – и нету.

– Я не знала дороги. Хотела перейти болото – вдруг с собаками преследуют...

– А там за болотом есть еще и речка... Но давай по порядку. Откуда ты?

– Нас выбросили с парашютами. Вон там, – девушка показала рукой на восток. – Точно не знаю, я здорово плутала.

– Когда?

– Пять дней назад. Наша группа насчитывала пять человек. Командир, лейтенант Свешников, я и еще три бойца. Мы должны были прыгать на сигнальные огни.

– К кому? К какому отряду? Вот мы называемся имени Котовского.

– Я не знаю. Знал командир. Самолет долго кружил, потом летчик велел прыгать. Внизу были костры – но еще в воздухе мы поняли, что не те. Там была железная дорога, вагоны, много людей...

– А это фрицы чинили железку, которую наши, видать, в очередной раз покорябали. Теперь примерно понятно, где это было. По прямой – километров двадцать пять. Но продолжай.

– По нам стали стрелять, еще когда мы были в воздухе. Мы пытались уклониться. Но там – чистое поле. Двоих наших я видела, как они упали, меня отнесло дальше, я успела обрезать стропы и уйти. С тех пор брожу. Бродила по каким-то полям. Там деревня была, но я побоялась в нее заходить. Потом вот в лесу очутилась...

– Ты, девушка, в рубашке родилась. Окажись ты на той стороне дороги – пропала бы. Немцы – они, гады, упорные. Посчитали бы количество парашютов – и обшаривали бы окрестности с собаками, пока бы не нашли всех. А на эту сторону они лезть не рискнули – знают, что здесь партизаны. Да и если б ты не утонула в болоте, а перешла бы реку... На том берегу с лесом плохо, зато с полициями хорошо.

– Слушай, Серега, я вот только не понимаю. Если, предположим, их в наш отряд сбрасывали, то что-то здорово летчик маханул. На тридцать километров, как минимум, – подал голос Макаров.

– Э, Гриша! Подумаешь, тридцать километров. И не то видали. Самолет – он быстро летает. На чуть-чуть штурман ошибся – и полсотни верст туда, полсотни верст сюда... А вот то, что он сбросил ребят на первые похожие огни, – это сволочный поступок. Я ведь знаю, как немцы ночью пути ремонтируют. Они цепочкой костры разжигают вдоль насыпи. На сигнальные огни это никак не похоже. Вот ведь бывают же на свете сволочи... Что ж, пора двигать до дому, до хаты.

* * *

Через два часа они достигли пикетов одного из отрядов, а вскоре вышли в деревню, в которой располагался штаб.

– Где командир? – спросил Мельников кого-то из бойцов.

– Сидит у себя вместе с комиссаром и особистом...

– Отлично, два раза доклад повторять не придется. Гриша, докладывать положено тебе. Ты старшина, а я вообще непонятно кто...

Штаб располагался в одном из домов. Войдя внутрь, разведчики увидели командира, старшего лейтенанта Сухих и комиссара Кочеткова, сидящих за столом, на котором была расстелена карта.

Командир соединения Алексей Михайлович Асташкевич был худым узколицым мужчиной за сорок с длинными запорожскими усами. Ходил он в неизменной кубанке и кожанке, перетянутой многочисленными ремнями.

До войны Асташкевич был начальником конторы в Вилейке по заготовке чего-то сельскохозяйственного. Когда наши отступали, то контору и ее работников эвакуировать не успели. Тогда и не то, и не тех бросали, а всякие штатские учреждения, особенно мелкие, действовали по принципу «спасайся, кто может!». Но Асташкевич в молодости сражался в рядах ЧОН против отрядов Булак-Балаховича²⁰, а потом и против всяких отрядов, забрасываемых с польской территории. Так что он знал, что надо делать. Вскоре Асташкевич собрал некоторое количество болтающихся по лесам бойцов и начал партизанить. И удачно. К нему-то в конце концов и присоединился отряд Аганбекова. К сорок второму Асташкевич уже командовал соединением в двести человек. В начале сорок третьего немцы обещали за его голову десять тысяч остмарок, сто килограммов соли, керосину и водки в неограниченном количестве.

* * *

– Товарищ командир, разрешите доложить! – начал Макаров рапорт по всем правилам. – Разведгруппа вернулась с задания. Установлено, что отряд, выдававший себя за советских партизан, являлся немецкой провокацией. Отряд полностью уничтожен. Нами доставлен бывший староста деревни Козловична, оказавший ценную помощь в ликвидации банды. Без него мы ничего не сумели бы. Во время возвращения в лесу была встречена врач разведгруппы Ольга Маслова. По ее словам, группа из пяти человек была выброшена неправильно и рассеяна при столкновении с немцами.

²⁰ ЧОН – части особого назначения. В начале двадцатых их формировала ЧК из коммунистов и комсомольцев «для борьбы с бандитизмом». Бойцы ЧОНа (кроме командного состава) проходили боевую подготовку без отрыва от основной работы. Части оказались эффективным средством борьбы с бандитами, восставшими крестьянами и антибольшевистскими формированиями. Впоследствии на базе ЧОНа возникли войска НКВД. Булак-Балахович, Станислав Никодимович (1883–1940) – руководитель крупных антибольшевистских формирований во время Гражданской войны. Сперва воевал за белых (в войсках Юденича), потом объявил себя «зеленым», впоследствии – белорусским националистом. После разгрома его частей Красной армией Булак-Балахович совместно с Б. Савинковым направлял с территории Польши в Белоруссию мелкие диверсионные отряды. С ними и боролся ЧОН.

– Ну, веселые дела творятся... – покачал головой Асташкевич. – И отряд уничтожили, и парашютистку встретили. Что ж это за парашютисты такие? Мы никого не ждали... Так, пришедших с вами пусть проводят, покормят, пусть девушка в порядок себя приведет. А ты, старшина, давай подробно.

...Прослушав всю историю, Асташкевич аж кулаком по столу ударил.

– Ну, Мельников... Вот так у тебя всегда! Просто жить не можешь, чтобы не выкинуть какой-нибудь фортель. Снять бы с тебя штаны, да выпороть за твои выкрутасы. Но нельзя – героем ты вышел. В любом случае, отряд провокаторов уничтожен, одной головной болью меньше. А с этими старостой и радисткой будем думать.

– Товарищ командир, разрешите отлучиться – мне необходимо обсудить с разведчиками технические детали, – обратился Сухих.

– Идите. Занимайтесь своей секретной работой...

– Как у нас теперь-то, ну, прямо армия, – заметил комиссар, когда особист с бойцами вышли. – Разрешите доложить, разрешите отлучиться... А вот когда начинали...

– Да уж, не так все было...

* * *

...Начинали и в самом деле скверно. В отличие от командира старший политрук²¹ Кочетков, как и многие, оказавшийся в окружении с группой бойцов, начал партизанить, присоединившись к отряду, организованному секретарем райкома. То ли его специально оставили или забросили, то ли он просто не успел эвакуироваться, – никто не знал. Но мужиком он оказался энергичным – и вскоре отряд достиг трехсот человек. Одна беда: командовать отрядом стали, как в райкоме. Заседали. Долго и упорно, иногда даже под огнем. Да и воевать начали без ума – пытались ходить на немцев в атаки, чуть ли не в штыковые. Но у немцев-то военная подготовка, у них оружие и техника. Да и подкреплений они могли вызывать себе сколько угодно. А у партизан? Собранный с бору по сосенке отряд, оружие то еще, да и начальство заседает. Все вышло строго по Маяковскому. Прозаседались. Отряд расколошматили буквально через пару недель. Кочеткову с несколькими бойцами удалось выйти живыми из последнего боя. О судьбе командира он так ничего и не узнал, но догадаться было нетрудно. Либо убили, либо изловили и расстреляли немцы. Тогда фрицы поступали с партизанами без особых затей. Ни ГФП, ни другие немецкие спецслужбы они не интересовали. Тогда фрицы считали, что партизаны – это кучки недобитых фанатиков, с которыми вполне справятся охранные части и полицаи.

Потом были еще отряды, которые тоже долго не жили. Пока наконец уже в октябре осколки какого-то очередного формирования, в котором воевал тогда Кочетков, не встретились с отрядом Асташкевича.

У командира в сорок первом было тоже не все хорошо и гладко. У него, правда, не заседали. У него митинговали. Как когда-то в Гражданскую. Часто и по любому поводу. Самой распространенной темой был вопрос: сидеть в тылу или пробиваться на восток к своим? Далеко не все в те времена верили, что партизаны смогут что-то всерьез сделать – или хотя бы просто выжить в немецком тылу. Вот и говорили: что, будем отсиживаться в лесах, пока немцы нас не выловят, или двинем к фронту? Или еще любимая тема, которую особенно часто поднимали те, кто успел побывать в немецком плену, – у них обычно был свой особый счет к фрицам. Они говорили: дескать, что мы тут сидим, надо идти бить немцев любым способом. Погибнем – так погибнем, мы все одно смертники. Так лучше помереть в бою с песнями, чем от голода. За сорок первый в отряде Асташкевича было два самых настоящих раскола. Большая группа ушла

²¹ Старший политрук соответствовал армейскому капитану. В 1943 году особые звания для политработников были отменены, им присвоили армейские звания.

на восток, пробиваться к фронту. Еще одни решили выделиться в самостоятельный отряд – и тоже ушли куда-то в лес... Ни о тех, ни о других Асташкевич больше не слышал.

Да и потом случались интересные вещи. В соседнем соединении отряд уходил в рейд. Рейдовики решили, что у них мало пулеметов. Так вот, они просто напоили пулеметчиков, находившихся в передовом секрете, – и прихватили ребят с собой. Вместе с пулеметами. Командир соединения, узнав об этом, озверел, вскочил в бронемашину и бросился в погоню. Хорошо, что не догнал. А то, возможно, междоусобный бой устроили бы... А сколько было командиров отрядов, которые начинали ощущать себя кем-то вроде батек времен Гражданской! Дескать, как знаю, так и воюю, мне виднее, мы партизаны, а не армия. В конце концов, когда число дураков и бузотеров сократилось путем естественного отбора, кое-какой порядок навели, но ведь сколько народа положили без всякого толка!

* * *

Сухих и разведчики перешли в знакомую баню.

– Что ж, товарищи, поработали вы хорошо. Жаль, конечно, мы не получили сведений, кто там у немцев взялся за создание подобных лжепартизанских отрядов. Но это вам не в упрек. Всего и сразу добиться невозможно. Задание вы не только выполнили, но и перевыполнили – более чем «на отлично». Я уже говорил: у вас, Мельников, природный талант оперативника. Знаете, как это бывает с художниками и музыкантами. Один годами учится, а другой – раз – и сделал лучше, чем профессионалы. Дело даже не в том, что если б не вы, мы гонялись бы за этим отрядом невесть сколько. И неизвестно, с какими результатами. А они подрывали бы репутацию партизан. С политической точки зрения все получилось – лучше не бывает. Вы, я вижу, даже не очень понимаете...

Сергей и в самом деле не понимал. Он так видел свою задачу – уничтожить врагов. И он их уничтожал, используя любые доступные средства. В данном случае, доступным средством оказался отряд полицаев – вот и все. Какая там, к чертям собачьим, политика!

– Задумайтесь вот о чем. Представьте, что в конце концов мы б этот отряд дожали и уничтожили. Хотя вы лучше меня знаете, что это не так просто. А в округе разнеслась бы весть, что партизаны воюют друг с другом. А так – вышло совсем наоборот.

А ведь и в самом деле, подумал Сергей. Отряд Чигиря выдавал себя за «красных» партизан. Правда, ничего хорошего он не сделал. Но ведь это жители деревни Ласки знали, что расстрелянные бандитами люди не сотрудничали с немцами. А в других местах могли и не знать. Конечно, продолжай люди Чигиря в том же духе и дальше, – репутация партизан как безумных палачей стала бы прочной. А так... Война шла свирепая. Партизаны уничтожали приспешников врага. Немцы и полицаи убивали не только по малейшему подозрению в нелояльности к власти, но часто и просто так – для острастки. Это стало обычным делом. Мельников уже успел убедиться, что и в Западной Белоруссии местные жители относятся к немцам без малейшей симпатии. Так что «подвиги» Чигиря скоро забудутся. Будут помнить, что неподалеку от деревни Козловична полицаи уничтожили партизанский отряд.

– То есть получается, что Чигирь и его банда после своей смерти будут работать на нас?

– Совершенно верно. К тому же, кто знает, что убийцы из Ласок и убитые «партизаны» – одни и те же люди? Да и полицаи, если их прижмет гестапо или ГФП, станут кричать, что они сражались с самыми настоящими большевиками. Впрочем, на месте немцев я бы их не трогал, а выдал награды за героические действия. А старосту объявил бы похищенным партизанами. Там, у немцев, не дураки сидят, если они такие штуки, как лжеотряды, стали делать. Значит, так они и поступят. Широко объявят об уничтожении очередной большевистской банды. Тем более что реальных успехов у них маловато.

– Но и хитры ж немцы! – вырвалось у Макарова.

– Ничего особо хитрого тут нет. К вашему возвращению мы уже не сомневались, что этот отряд – немецкая агентура. Командир припомнил, что примерно то же самое в начале двадцатых проделывали в Белоруссии люди Савинкова. Выдавали себя за красноармейцев или чекистов – и расстреливали направо и налево. Ничто в мире не ново.

– Товарищ старший лейтенант, а разрешите вопрос, – встрял Мельников.

– Пожалуйста.

– Я не очень понимаю немцев. Ну, повязали они этих бандитов и предложили на выбор: или петля, или работать на них. Хорошо. Пусть они даже послали с отрядом своих людей. Но что мешало Чигирю и его людям пристрелить немцев – да и снова пойти на волю, подавшись в места, где их не знают? Белоруссия большая.

– А зачем это было нужно Чигирю? Ему немцы дали разрешение грабить совершенно безнаказанно. Что еще нужно бандитам? Вы всем этим блатным «понятиям» – дескать, воры ни с какой властью не сотрудничают – не слишком доверяйте. Я на уголовников насмотрелся. Они очень легко идут на вербовку к кому угодно. В Москве в сорок первом чуть ли не каждый второй немецкий агент был из уголовников. Этот ваш знакомый, Натанзон, – он еврей, с ним понятно. Слишком уж рискованно быть евреем и якшаться с нацистами. А остальные – со всем удовольствием. К тому же – попытайся Чигирь и его люди сделать ноги, за ними охотились бы почище, чем за настоящими партизанами. А они ведь бандиты, а не бойцы...

– Не бойцы, это точно, – согласился Макаров. – Полиция тоже не бог весть что из себя представляли, но мы в компании с ними сделали Чигиря как маленького. А если б мы дорожили их жизнями, то вообще без потерь бы обошлись...

– Вот именно. А теперь, товарищ Мельников, я должен сказать вам самое главное. Со мной должны были послать двоих бойцов. Но в результате здесь только один – старшина Макаров. Мне нужно по крайней мере еще двое. После вашего рейда я окончательно убедился, что вы мне подходите. Но я предпочитаю работать с добровольцами. Так вот, хотите работать со мной, в особом отделе? Знаю, что многие особистов не любят. Но, я думаю, вы убедились за два года, что немцы засылают в партизанские отряды весьма многочисленную агентуру. И наверняка не все так бездарно подготовлены, как знакомый вам «житель Саратова». И бороться с ними надо всерьез. Итак?

– Согласен, товарищ старший лейтенант. Мы с Григорием хорошо сработались. Да и работа, я гляжу, интересная.

– Надеюсь, со мной вы тоже сработаетесь. Кого еще можете назвать?

– Голованова Семена, моряка. Но он может не согласиться. Есть у него большая страсть – поезда пускать под откос.

– Посмотрим.

– Товарищ старший лейтенант...

– Зовите меня – не при людях, конечно, – Николаем Семеновичем. А если я вас буду называть по имени...

– Пожалуйста, а то мне и самому неудобно. Вон даже командир нашего отряда, Аганбеков, уж на что любит военную дисциплину, а тоже бойцов зовет по именам. Так вот, если это не секрет, врач Оля к нам направлялась?

– От вас у меня секретов нет. Зато вы теперь станете «секретными» товарищами, у которых от других товарищей будут сплошные секреты. Так вот, она шла не к нам. Никаких самолетов пять дней назад мы не ожидали. Завтра или послезавтра – да, должны нам сбросить тол, который командир уже устал требовать. И вообще – мы аэродром собираемся строить. Очень далеко мы находимся от фронта. Летать к нам, чтобы сбросить грузы с парашютом – слишком дорогое удовольствие.

– Но если есть какой-то отряд с той стороны железки, то мы ведь там проходили. Немного севернее, правда, но ведь шли мы шумно и весело. Немцы, там, наверное, до сих пор нас вспо-

минают. До партизан слухи не могли не дойти. Да и на железной дороге мы активно шумим. Обычно отряды стремятся устанавливать связь. Тем более, если к ним группа летела, это явно не «зеленщики».

– Разумеется, это не «зеленщики». Но это могут быть армейцы.

– Ах, да! Про них-то я и забыл.

– Правда, для армейцев далековато от фронта, но что мы понимаем в большой стратегии?

В своей партизанской жизни Мельников сталкивался с разведывательными группами, которые направляло армейское командование. Они проходили как бы по другому ведомству²². Разведывательные группы избегали вступать в контакт даже с крупными отрядами. Что же касается «местных» партизан, то есть отрядов, не имевших контактов с Центром (а их и в сорок третьем было полно), то этих товарищей разведчики обходили за десять верст. Если же нужда и выгоняла их из леса к партизанским базам, то держались они обособленно: получали, что надо, и уходили. В общем, это понятно – у них была другая задача. Но бывало забавно, когда соединение приходило на новое место, а через пару недель партизаны обнаруживали притулившуюся под боком разведгруппу... Что же касается личного мнения Сергея, то он полагал: партизаны куда лучше могли выполнять ту же работу. Ведь у них было множество своих людей в деревнях и небольших городах. И разведчики, сидящие, как лешие, в своих землянках, таких связей просто не могли установить.

– С этим мы будем разбираться. А вы пока свободны. Приказываю отдыхать. А то, возможно, еще придется искать этот то ли отряд, то разведгруппу.

* * *

Разведчики, как и было приказано, стали отдыхать. Сходили в лес, где располагалось кухонное хозяйство, получили обед, под который наконец добились коньяка. После чего расположились на солнышке недалеко от osobистской бани. Спать почему-то не хотелось. Поэтому товарищи пустились в разговоры.

– Серега, я вот давно хотел тебя спросить – откуда у тебя этот костюмчик? Ладно бы еще эсэсовский камуфляж. А вот немецкие парашютные ботинки? На вас что, и десантников сбрасывали?

– Чего не было, того не было. А ботинки... Мы как-то один немецкий склад захватили. Там было несколько ящиков этой обуви. Ребята обфыркали – мол, тяжелые, сапоги лучше. А мне понравилось. Им сноса нет. Да и бегать по лесу в них удобнее. А этот костюм или, как ты его называешь, камуфляж²³, так это как-то на нас эсэсы пошли. Два их батальона по дороге на фронт задержали, чтобы нас раздавить в компании с пехотой и прочими. Вот у эсэсов разведчики и были в такой одежде. Одному пришлось со мной поделиться.

– О, гляди, наша подруга...

Из бани вышла Ольга. Теперь, в чистом обмундировании, она смотрелась куда симпатичнее. Заметив разведчиков, девушка направилась к ним.

– Ну, как святая инквизиция? – спросил Макаров.

– А что тут такого? Члены парашютных групп – они ведь известны. Запросят ваши Центр – так все про меня сообщат.

Девушка посмотрела на Сергея и откровенно призывно улыбнулась.

– А тут тебя куда пристроили?

²² С партизанами работал НКВД. Как всегда бывает во взаимоотношениях спецслужб, отношения чекистов с военной разведкой были не слишком теплые.

²³ Камуфляжное обмундирование впервые было применено немцами (самыми первыми – войсками СС). В других воюющих армиях оно было не слишком распространено.

– Пока не очень понятно. Врачей у вас хватает. Но медицины мало не бывает. Впрочем, я хочу проситься в боевые части. Я и стреляю неплохо, заканчивала школу снайперов.

– О, свои люди! – обрадовался Мельников.

– Я тут посижу с вами...

Каким-то образом Оля очутилась между парнями. И устроилась так, что ее ладонь оказалась на бедре Сергея.

Мельникову это не то чтобы не понравилось – покажите парня, которому такое не понравится. Но... Так нередко вели себя девушки из «гражданского населения». Оно понятно: мужиков было мало, а гулять с немцами или полицией считалось последним делом. За это можно было жестоко поплатиться безо всяких партизан. Так что с приходом отрядов в населенные пункты романы завязывались со скоростью света. Но вот женщины-партизанки вели себя иначе. Были в соединении и супружеские пары, и влюбленные парочки – но и только. Конечно, Ольга пока не партизанка, но все-таки... Вряд ли у них в Москве, или где там готовят радисток, все так весело...

– Эй, новенькая! Маслова! Иди сюда! – раздался чей-то голос.

– Ну, мальчики, я пошла... – и с этими словами радистка двинулась прочь.

Мельников помолчал, потом закурил.

– Слушай, Гриша, ты вот в армии служил. У вас там девушки были? Я имею в виду – военные?

– А то! Были, понятное дело.

– Как они, ну... с парнями?

– По-разному складывалось. А что?

– Да вот эта Ольга как-то уж слишком мне глазки строит.

– Ну, ты парень видный. Морда, конечно, разбойничья, но девицам это нравится. Говорю тебе как старший товарищ.

– Как-то это чересчур...

– С другой стороны, что, вертихвостки не могут Родину любить? Сейчас все воюют. Хотя... ты прав, что-то здесь не то. У них ведь, где радистов учат, должны были подробно объяснить, что такое хорошо, а что такое плохо.

Дел до вечера так и не нашлось. Сухих вскоре после беседы с Ольгой оседлал коня и куда-то уехал. Разведчики же маялись дурью. Под вечер у кого-то из многочисленных знакомых Мельникова нашелся самогон, хорошо посидели, и в конце концов уже в темноте дошли до бани и завалились на полоч.

Глава 4

Неучтенная лень

24 апреля, партизанский штаб

Рано утром их разбудил особист.

– Поднимайтесь, ребята. Вы, я гляжу, отдохнули хорошо. Но пора и за дело. Потому что дела у нас очень неприятные.

Мельников и Макаров привели себя в порядок во дворе, обильно полив головы холодной водой, – и вернулись в баню в уже полностью нормальном состоянии. На войне слово «похмелье» неизвестно.

– Так вот, дело касается вашей милой знакомой Ольги Масловой. Буду излагать подробно. Мне нужны помощники, а не исполнители, время у нас еще есть, будем учиться. И это будет хорошим уроком... Тем более что есть некоторые непонятные места. Может, вы с вашим свежим взглядом поможете разобраться. Ночью мы связывались с Центром. В самом деле, той ночью в наши места вылетал самолет с группой парашютистов. Они летели к разведывательной армейской группе, которая базируется где-то на востоке от железной дороги. Группа долгое время не подавала признаков жизни, но недавно вышла на связь. Сообщили, что у них кончается питание для рации, да и сама аппаратура дышит на ладан. Радист, кое-как умеющий обращаться с рацией, убит, передавал командир. Но коды он сообщил верные. В группе трое раненых, работу выполнять некому. Успели передать координаты и договориться о сигналах. После чего связь пропала. Была сброшена группа, в которой имелась женщина-врач. Имя ее назвать отказались. Конспирация у них. Партизанам они не доверяют. От группы ни ответа, ни привета.

Сухих закурил и продолжал:

– Далее. Я был в отряде Лавриновича. Его подрывники за день до этого уничтожили на железной дороге эшелон. Немцы и в самом деле вели там ночью ремонтные работы. Но! У подрывников остались еще мины. Они решили не возвращаться, а пересидеть в лесу возле дороги. И, чтобы сделать немцам приятное, – рвануть поезд как раз на только что отремонтированном пути. Так вот, они утверждают: не было ни самолета, ни парашютистов, ни стрельбы.

– То есть как – самолет был, но его в то же время и не было? – не понял Макаров.

– Именно, Григорий. Меня вот сразу заинтересовал вопрос: почему это летчик выбросил десант в белый свет? Он совсем идиот?

– Или сволочь.

– Все может быть. Но сигнал самолету и в самом деле был странный – две полосы.

– Ничего не понимаю, – сказал Мельников. – Никогда с таким сигналом не сталкивался.

– А предположить можно вот что. Радиограмму давали немцы. Самолет сбрасывал десант совсем в ином месте. Где его и уничтожили или, скорее всего, захватили. Тут фрицы убили двух зайцев. Взяли советскую разведгруппу, а заодно решили и нам задвинуть агента. В конце концов и парашютистами, и нами занимается тот же абвер. Разные ведомства, но могли ж они в данном случае скооперироваться...

– А разведгруппа?

– Могло и не быть никакой разведгруппы. То есть она могла быть уже давно уничтожена. И кто-то двинулся вместо докторши...

– Но у радистов есть коды и все прочее...

– Сами понимаете, что все можно узнать. Обратите внимание, что на связь выходил якобы командир группы, а не радист. Чтобы не узнали по почерку. Видимо, коды-то они узнали, но вот заставить его на себя работать не сумели.

– Николай Семенович, но тут противоречие. Зачем немцам придумывать столь нелепую историю с ошибкой пилота? – спросил Макаров.

– Вот это как раз самое слабое место в моих рассуждениях. Можно допустить, что немцы перемудрили.

Но тут подал голос Мельников:

– По-моему, все правильно. К примеру, ложные сигнальные огни – это мы проходили, немцы подобное устраивали не раз и не два. Но в этом случае вырваться парашютистам практически невозможно. Они ж приземляются прямо в руки фрицам. Там, в ГФП, люди не глупее нас. Они понимают, что такая история вызовет недоверие. А тут им как на заказ – ремонтные работы на железке. Они и переиграли легенду. Это ведь убедительнее. Диверсия была? Значит, и ремонтные работы были. Партизаны это знают. Кострища вдоль дороги небось и сейчас можно увидеть.

– Сергей, я в вас не ошибся.

Тут снова встрял Макаров.

– Но почему мы встретили эту радистку бултыхающейся в болоте? Или она нас заметила и разыграла «водную сцену»? В такое я не поверю.

– Она могла и в самом деле заблудиться, – возразил Мельников. – Компаса-то у нее не было. Тем более, обрати внимание, она просквозила наш лагерь слева. Не хуже меня знаешь – неопытного человека в лесу всегда заносит в левую сторону. Она может быть агентом ГФП или гестапо – но не являться специалисткой по лесному хождению.

– Похоже на то. Тогда понятно, почему она тебе глазки строила.

– Строила глазки? – оживился Сухих. – Ясно. Она ж сообразила, что вы не простые бойцы. Чем плохо – иметь защитника? А если вдруг любовь закрутится, – то можно попытаться использовать человека и более серьезно.

– Так что нам делать, Николай Семенович?

– Пока молчать в тряпочку и не подавать вида. Чапай думать будет.

* * *

Думать было о чем. Пожалуй, впервые за свою работу в партизанском отряде Сухих столкнулся с таким серьезным случаем. Он уже выявил нескольких агентов или явно подозрительных личностей. Но все это были довольно примитивные персонажи, являющиеся, скорее всего, продуктом самодеятельности местных немецких властей. Еще по сорок первому, когда Сухих работал в Москве, он знал, что немцы в деле засылки агентуры старались «брать числом». В партизанских лесах наблюдалось то же самое. Легенды были сляпаны через пень-колоду и легко разоблачались. Но вот тут был иной случай. Чувствовалась рука мастера. Ведь прокололись же фрицы на том, что не учли лени русских людей – подрывники решили, что лучше пересидеть ночь в весеннем лесу без огня, нежели таскаться туда-сюда. А так все было сделано красиво. Сухих, сам неплохой шахматист, оценил красоту комбинации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.